

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ПТИЦА ОЧАРОВАННАЯ ПО ИМЕНИ ЗЕЛЬДА

Шуламит ШАЛИТ

"Ле-холь иш еш шем" - название знаменитого стихотворения израильской поэтессы Зельды, давно ставшее в один ряд с самыми известными библейскими изречениями. В оригинале стихотворение состоит из 28 стихов (строк). Начинается стихотворение с той же фразы, а процитируем мы его, ограничившись фрагментом перевода:

*У каждого человека есть имя,
Данное ему Богом,
И отцом, и матерью.
У каждого человека есть имя,
Данное ему горами и стенами,
И звездами Зодиака, и соседями,
И грехами, и желаниями.
И враги создают человеку его имя,
И любовь его,
И праздники, и его ремесло,
И времена года, и слепота.
У каждого человека есть имя,
Данное ему морем
И данное - смертью...*

Наивное, на первый взгляд, название. Разве бывает человек без имени? И кто же не знает: как только Всевышний создает первого человека, сразу дает ему имя, называя Адамом. А там появляется и мать всего живого человечества - Хава (Ева)... А за ними уже все-все, ну, и мы тоже. Как вообще у Зельды зародилась идея этого стихотворения? Источник, думается, в Талмуде (Мидраш Танхума): "Три имени есть у человека: первое, данное ему отцом и матерью, второе, которым называют его окружающие, и третье, заслуженное им самим". Как говаривала моя покойная мама: ищи в Торе, там есть все... А если не все верят этому, все-таки читайте наших мудрецов - и польза и удовольствие.

Вернемся к тексту Зельды.
Перевод на английский язык

1914-1984

Зельда с матерью

ближе к оригиналу не по содержанию (тут и с русскими переложениями все в порядке), а по краткости, по четкости ритма и звуковой волны. Начало на иврите: Ле-холь иш еш шем / шенатан ло элоhim / вэ-натну ло авив вэ-имо... На английском: Each of us has a name / given by God / and given by our parents... В английском (в другом месте) четыре слога только в одном слове celebrations, в иврите есть трехсложные типа ше-натан, ше-натну (букв. - который или которое дал (человеку), переводимое как данный, данное, что удачно, но дерзости заменить длинную первую строку на русском языке не наблюдается: хочешь точно-

сти - проигрываешь в ритмике, а если изменить форму и сказать, как в английском "каждый из нас имеет", так, помнится, проф. Константин Былинский, великий лингвист и стилист, такую форму разрешал в двух случаях: "имей свое мнение!" и "не имей сто рублей...", как в поговорке! А если "каждый из нас носит имя"? А еще короче "каждый носит имя"?.. Но дальше - что делать с "соседями", "желаниями", "праздниками", "временами года"... Чем их заменить?..

Мне неизвестно. А что известно, рассказываю.

Полное имя поэтессы - Зельда Шнеерсон-Мишковская, и родилась она в Екатеринославе

(Днепропетровск) в 1914 году, а прибыла в Эрец-Исраэль в 1926 году. Русский язык знала и русскую литературу читала - от Толстого, Тургенева до Бабеля. С увлечением училась в учительской семинарии, а затем многие годы преподавала литературу. На первые ее публикации в периодике не обратили внимания. Разве что наблюдательный поэт, критик, переводчик Ешурун Кешет (1893-1977), который еще до выхода первого сборника Зельды, за семь лет до него, назвал свою статью о ее стихах в газете "Давар" - "Паним ахерим" ("Другое лицо"), то есть не похожая ни на кого.

Первый сборник стихотворений, названный "Досуг" ("Пнай"), она держала в руках только в 1967 году, когда ей было 53 года. Любопытный факт этот объясняется тем, что в творчестве Зельды видела лишь часть предназначения человеческого, самой жизни, и своей в том числе. Она прожила свою жизнь по библейской формуле: "устраняйся от зла и твори добро" (из Псалмов), что на иврите звучит так: "Сур ми-ра / вэ-асэ тов", где первые два слова соответствуют идее справедливости, а последние два - альтруизму. Люблю эту лаконичность иврита!

Всего при жизни у нее вышло шесть сборников, но любопытно, что свою первую литературную премию она получила еще до выхода своей первой книги. С жизнью, судьбой и творчеством этой скромнейшей женщины связаны многие любопытные вещи. Одной из страстных почитательниц ее стихов была другая поэтесса - Иона Волах (1944-1985), может быть, единственная, вызвавшая явное оттолкновение, противостояние, неприимчивость со стороны Зельды. "Я потрясена, - писала Иона Волах на выход в свет сборника

стихов Зельды "Досуг", - Ваши стихи делают меня добрее. Красота, которую Вы создаете, наполняет меня"... Но Зельда, и это не мое открытие, откажется опубликовать свои стихи в журнале, печатающем Иону. Еще удивительнее было узнать, что раньше они почти дружили, что именно Иона как-то способствовала изданию книги Зельды... Но говорят же: не судите... Разве нельзя понять Зельду? Да, открытые и откровенные страсти, публичное разделение всего и вся, эротика, близкая к порнографии, могло ли все это не эпатировать Зельду? Учитывая происхождение и атмосферу дома, в котором росла Зельда, такое кажется вполне естественным, понять можно.

Поразительно другое, а именно, что первыми - горячо, благодарно, беззаветно - приняли Зельду именно молодые, так называемый авангард - свободная композиция стиха, независимость от каких-либо метрических законов, особый поэтический мир, творческая самобытность подкупали тех, кто и сам искал нового способа самовыражения. Вот что писал поэт Меир Визальтир: "Я не могу сдержать своих чувств, мне приятно сказать читателю, что сборник "Досуг" - это драгоценное сокровище, спешите купить его до начала субботы, чтобы посвятить ее чтению - вместо банальных литературных приложений..." Причем заметим, что Зельда не сентиментальна и даже как бы анти-чувственна.

Для нее характерна свободная ассоциативность, наблюдательность, тонкость восприятия, часто религиозно-мистическое мироощущение, но в ней ни на гран не найдешь так называемой женской чувствительности,

Йосеф БЕГУН

"Я отчетливо помню этот день: утром 23 февраля 1987 года скорый поезд Казань-Москва, скрипя тормозами, завершал свой путь на Казанском вокзале столицы. Вот и платформа, группы встречающих. Через окно я видел, как некоторые из них спешили со всех сторон к нашему вагону. "Йосеф! Йосеф!" - я слышал их крики, я узнавал их, это были мои друзья-соратники. И вот меня уже обнимают, дарят цветы... Все взволнованы, у некоторых - слезы на глазах. Все они пришли, чтобы встретить меня при моем возвращении из тюрьмы. Я вглядывался в их лица, почти забытые, без малого пять лет мы не видели друг друга.

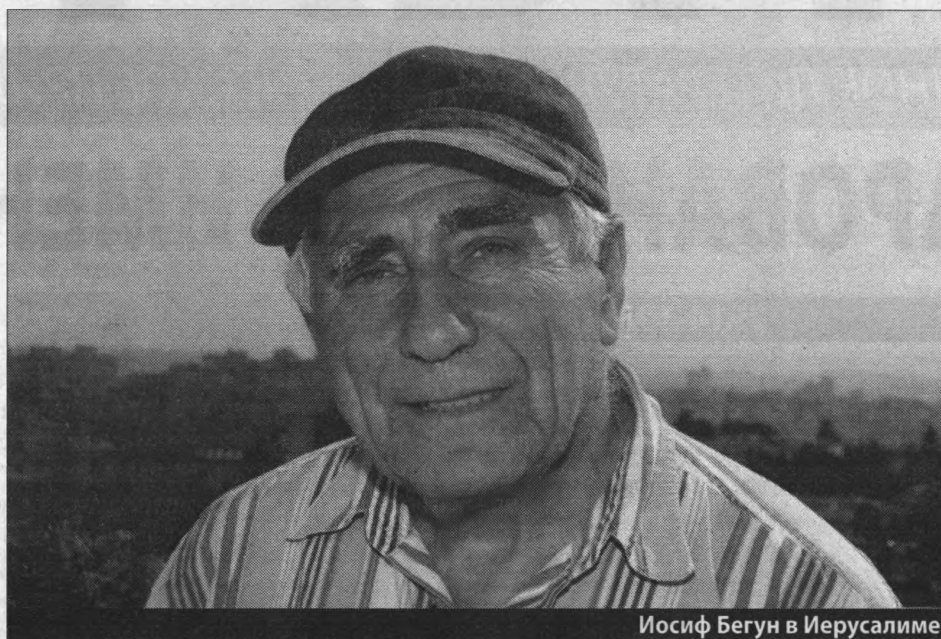
Все мы были отказниками, нам отказывали в праве на выезд в Израиль. Некоторые в отказе уже десять, пятнадцать, а то и больше лет. Сама эта встреча - весьма необычная для тех времен - предвещала начало больших перемен. Всего лишь за три дня до этого я был заключенным печально знаменитой Чистопольской тюрьмы, где содержались диссиденты, осужденные по статьям за особо опасные государственные преступления. По приговору суда в 1983 году я получил семь лет лагерей, с последующей ссылкой на пять лет, и должен был освободиться только в 1994 году. Мое досрочное освобождение, одно из первых в кампании освобождения узников совести в СССР, которое началось за два месяца до этого возвращением в Москву академика А.Д.Сахарова из ссылки в Горьком, было еще одним знаком начинавшихся в стране перемен.

Я - на платформе, окруженный друзьями. В тюремной робе - эзковские ватник и штаны, тюремные бутсы, лагерная ушанка - такой, каким вышел из тюрьмы. Я сознательно не стал переодеваться в вольную одежду: встреча узника Сиона в Москве должна была стать событием, в котором эзковская символика будет не лишней... Я предполагал, что будет пресса, и не ошибся - корреспондентов было много, с микрофонами, теле- и фотокамерами. Меня окружали сияющие лица друзей. Некоторые протискиваются через толпу, чтобы быть ближе, обнять меня. Вот - Шимон Янтовский, вот - Юлик Кошаровский (обоих их, к сожалению, уже нет в живых), Дима Шварцман, Зеэв Гейзель, много других знакомых и дорогих мне лиц. Наш ветеран Шимон Янтовский, полковник, участник войны, сдернул с моей головы эзковскую ушанку, надел кипу. В лагере за кипу отправляли в карцер (не по форме одет!), теперь все это позади... Вокруг меня друзья, все рады этой встрече. Счастливейший день моей жизни!

Но что это? В разгар объятий и поцелуев в моей памяти мелькнула совсем другая картина. То было почти за десять лет до этого, летом 1977-го. У здания одного из московских районных судов, где проходил мой суд (то был мой первый арест), стояли небольшой группой мои друзья и

ПУТЬ К СВОБОДЕ

9 июля 85-летний юбилей отмечает легендарный узник Сиона Иосиф Зиселевич Бегун. Этот год трижды юбилейный для этого незаурядного человека: сорок лет назад, в 1977 году, он был впервые осужден советским судом за его борьбу за сохранение еврейской культуры, изучение языка иврит и стремление строить свою жизнь в еврейском государстве; тридцать лет назад, в 1987 году, он вышел на свободу из Чистопольской тюрьмы, чтобы менее чем через год начать новый этап своей наполненной событиями жизни в Иерусалиме. Готовя публикацию к юбилею Иосифа Зиселевича, мы попросили его рассказать именно об этом времени, о его двойном освобождении, о пути из советских застенков - в Государство Израиль

Иосиф Бегун в Иерусалиме

соратники по еврейскому движению. В зал суда их не пустили, и они стояли долгие часы в ожидании, когда будет объявлен приговор и меня будут выводить из здания суда. Я не мог их видеть, но знал, что они пришли, потому что и сам не раз и не два стоял в таком же ожидании - таков был обычай диссидентов-правозащитников того времени. В тот раз я был осужден на два года ссылки, и когда меня выводили, был окружен плотным кордоном милиционеров как опасный преступник. Мои друзья и тогда кричали "Йосеф, Йосеф!", но та встреча длилась лишь несколько секунд. "Шалом, друзья!" - успел крикнуть я изо всех сил перед тем, как меня буквально вбросили в кузов милицейского пикапа. Машина резко рванула с места, увозя меня снова в "Матросскую тишину", в тюрьму, где я провел уже несколько месяцев после ареста. Но как важны были тогда эти секунды встречи со своими!

В утро моего возвращения из Чистопольской тюрьмы, 23 февраля 1987 года, все было совсем по-другому... Пассажиры нашего поезда, явно удивленные столь шумной встречей, оказанной их незаметному попутчику, постепенно разошлись. Но радостное возбуждение, переполнявшее всех нас, не уходило. Вот я уже на плечах у друзей, на вокзальной платформе зазвучали песни на иврите "Эвену шалом алейхем" ("Мы принесли вам мир"), "Бэ'шана а-баа бэ'Ирушалаим" ("В будущем году в Иерусалиме")... Беспрецедентная еврейская встреча снималась операторами нескольких телеком-

паний. Их фирменные знаки - CNN, ABC - говорили сами за себя: событие имело международное значение. Нельзя было не заметить отсутствие советской прессы.

Кроме моих друзей и иностранных корреспондентов, на опустевшей платформе можно было видеть еще одну небольшую группу, которая тихо стояла в стороне и не спешила уходить, внимательно наблюдая за нами. Молодые в основном люди, они отличались явной спортивной выправкой. Это был знакомый нам типаж - люди родственной нам организации с Лубянки, которые без специального приглашения приходили на наши мероприятия. Видимо, в их ведомстве тоже не были безразличны к тому, что происходило в это утро на Казанском вокзале.

Уже через 2-3 часа после прибытия нашего поезда в Москву крупнейшие телекомпании распространили репортажи об этом событии по многим странам мира. Сообщения и фотографии о встрече на Казанском вокзале недавнего узника Сиона появились на первых полосах крупнейших газет США и Европы. В Израиле газеты пестрели сообщениями: "Гимн Израиля звучит в центре Москвы". Эта триумфальная, как называли ее многие газеты, встреча, столь радостная для меня и моих друзей, предвещала большие перемены в судьбах советского еврейства.

А ведь еще за несколько недель до этого мы, заключенные Чистопольской тюрьмы, и думать не могли о том, что такое может произойти. Местное радио в камере вещало о реформах, в газетах

мелькало непонятное слово "перестройка". Но мало ли было других, не сбывшихся за эти годы, иллюзий? Заключенный живет надеждой, но и научен не поддаваться иллюзиям. Всеобщая амнистия врагов советского народа, антисоветчиков - об этом никто не мог и подумать! Годы заключения были годами лишений, издевательств, ограничений во всем.

Бывших активистов еврейского движения в СССР нередко спрашивают: "Как вам удавалось выстоять под постоянным прессингом КГБ?" Для меня важно отметить два наиболее значительных фактора. Да, мы находились за "железным занавесом", а иногда даже за железными решетками, но и в том, и в другом случае мы знали, что не одиноки. Нас поддерживали евреи всего мира. Трудно переоценить важность этой поддержки в ситуации, когда мы находились в пасти льва... Второй важный фактор - это осознанное понимание того, что мы участвуем в важной и достойной борьбе за свободу и права своего народа. Поначалу люди отправлялись в ОВИР, желая просто покинуть страну, становясь отказниками, а затем и участниками еврейского движения, мы все больше узнавали о новом мире, закрытом для нас раньше, и оказалось, что он был для нас близким, а мы сами были частью его. История еврейского народа - это ведь была и моя история, язык моего народа - это ведь был и мой иврит... Когда это высокое чувство возвращения к своему порождает желание помочь в этом и другим, человек становится активистом еврейского национального возрождения. Глубокое чувство приобщения к своему, неведомому ранее еврейскому миру укрепляло нас в противостоянии всеильному КГБ. Когда в марте 1977 года я был впервые арестован, когда находился в тюрьмах и в ссылке, то держался, воскрешая в своей голове голос поющего раввина Шломо Карлебаха, песни которого я много слушал в записях. Написанные на слова еврейской литургии, текстов Библии, песни эти были удивительно мелодичны, они приносили душевный покой и одновременно настраивали на высокое чувство.

Где то в середине 1986 года по тюремному телеграфу (ими служили отопительные трубы) мне передали, что Натан Щаранский освобожден. Я не поверил, подумал - подбрасывают дезинформацию. Но постепенно, с каждым днем мы все больше понимали, что за стенами тюрьмы происходит что-то необычное.

В один из дней декабря 1986 года тюрьма загудела. Хотя начальство пыталось скрыть от нас, что умер Анатолий Марченко, но кто-то прокричал эту весть на коридор. Во всех камерах стали кричать, стучать в двери мисками, казалось, что стены тюрьмы закачались. Марченко держал длительную голодовку, его содержали в отдельной камере. Начальство дало разъяснения, что Марченко умер от сердечного приступа, уже после прекращения голодовки. Знаменитый узник ГУЛАГа, выдающийся правозащитник, бесстрашный борец с советским тоталита-

ризмом - он не дождал нескольких недель до освобождения. Умер подобно библейскому Моисею, который не вошел в Землю Обетованную...

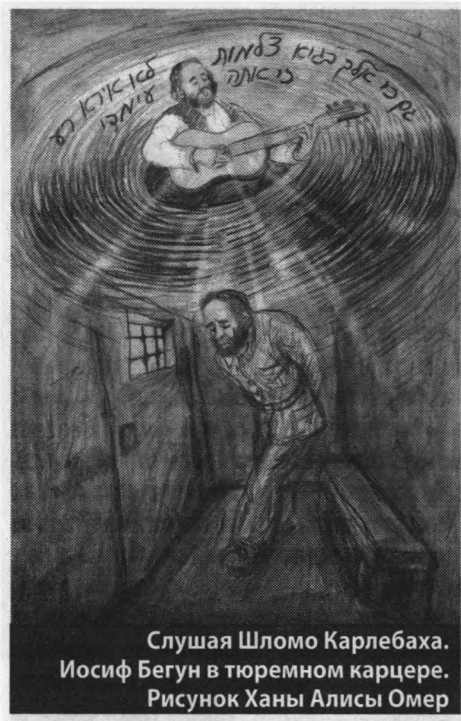
Утром 20 февраля 1987 года меня привели к начальнику тюрьмы, где объявили, что я помилован на основании Указа Президиума Верховного совета. Вместо назначенных судом двенадцати лет заключения прошло четыре года, четыре месяца и четырнадцать дней со дня ареста. Через два часа, собрав свой нехитрый скарб, я был за воротами тюрьмы. О, это неопишное чувство свободы! Самое обычное, самое повседневное в человеческой жизни - свободные люди, дома, автомобили, скверы... от всего этого я уже совершенно отвык.

Мое освобождение пришлось на пятницу. Мы решили не нарушать субботу, провести ее здесь же, в Чистополе. Ко мне из Москвы прямиком к шabbату примчались мой сын Боря, студент, ему было тогда 23 года, и Инна - она была моим доверенным лицом на процессе, помогала мне в антисоветской деятельности и сама была под серьезной угрозой ареста. В местной гостинице сняли скромный номер; субботняя трапеза, первая моя на свободе, тоже была весьма скромной. Днем в субботу мы гуляли по центру городка и вдоль берега Камы - широченной реки, еще закованной в лед. Местный старожил, явно, большой патриот своего края, вызвался рассказать нам, гостям, о достопримечательностях города. Он с удовольствием перечислял их, в числе которых - и тюрьму, где сидели известные люди... Марченко, Щаранский. И понизив голос, сообщил, по Би-Би-Си сегодня сообщили, что из нашей тюрьмы выпустили Иосифа Бегуна, известного сиониста... Мы деликатно кивали головой, благодаря за эту ошеломляющую новость. А на исходе субботы в гостинице раздались телефонные звонки из многих городов мира: Тель-Авива и Иерусалима, Нью-Йорка и Парижа... Я отвечал на вопросы, благодарил... на иврите, английском, русском.

Утром в воскресенье мы с Борей пошли на местное кладбище на могилу Анатолия Марченко. Мы были с ним вместе в 37-й пермской зоне, где общались довольно активно, но в Чистополе сидели в разных камерах. И вот мы стоим возле свежей могилы с простым деревянным крестом... Анатолий Марченко всю свою жизнь боролся с режимом за права граждан своей страны, и вот, когда цель почти была достигнута, Марченко умер... в тюрьме. Как солдат в последнем бою, накануне победы... Увы, если судить по развитию событий в России, граждане страны, права которых он так мужественно отстаивал, не очень-то дорожат памятью о таких людях.

Ночью в поезде, спешившем в Москву, мне не спалось. Думал о будущем и о прошлом. Мысли о перипетиях недавней тюремной жизни путались с воспоминаниями о событиях более отдаленных...

В своем прошении о помиловании, которые по правилам игры с властями писали все освобождаемые в начале 1987 года политзаключенные, я указал, что приложу все усилия, чтобы евреи в СССР обрели

Слушая Шломо Карлебаха.
Иосиф Бегун в тюремном карцере.
Рисунок Ханы Алисы Омер

свои национальные права. Я чувствовал себя обязанным начать выполнять эти обязательства. В самом деле, почему не использовать благоприятные перемены для достижения тех целей, за которые боролись? Не пора ли начинать собирать камни, приступить к национальной общественно-полезной работе. Если не сейчас, то когда? А если не мы, то кто? Эти вопросы возникали сами собой после того, как прошли первые опьяненные свободой недели вольной жизни. Важно было понять, что нужно и что можно было делать в новых условиях.

Вскоре я поехал в Ленинград. Там я, впервые за многие годы, вновь встретил своих старых друзей - ленинградских отказников: Абу Таратуту, Неллю и Юру Шпейзманов, Лазаря Казакевича и других. Был апрель месяц, приближался День Катастрофы и героизма, и ленинградцы рассказали мне, что они отмечают эти трагические даты митингами на еврейском кладбище. И я подумал, что нам в Москве следует заимствовать этот опыт и провести такой же мемориальный митинг. Вокруг этой идеи объединилась группа наших активистов-культурников, таких как Пинхас Полонский, Григорий Розенштейн, Владимир Мешков. Идею поддержали ветераны войны Ефим Гохберг, Семен Янтовский и знаменитый военный отказник, полковник Лев Овсищев.

Сразу же возник вопрос о месте проведения такого митинга. В Москве практически не было ни одного еврейского места, где евреи могли бы собираться по тому или иному национальному поводу - разве что синагога, но она была в данном случае неприемлемой. После некоторых раздумий, решили остановиться на Востряковском кладбище, которое когда-то было еврейским. Властям было послано необходимое уведомление, однако ответа мы не получили. Само кладбище не было рассчитано на проведение массовых собраний, поэтому мемориальный митинг, посвященный памяти шести миллионов жертв Холокоста, был проведен на небольшом пустыре, примыкающем к оградке кладбища. Это был первый публичный еврейский митинг в Москве за многие годы. Присутствовали не менее

четырехсот человек. Для зарубежных корреспондентов это была сенсация. Ведь совсем недавно любое сионистское собрание такого рода безоговорочно разогнали, свидетелем чего был я сам, когда посетил Киев в дни памяти Бабьего Яра. Митинг проходил спокойно, организованно. Были зажжены поминальные свечи, сказан поминальный кадиш. В конце августа мы провели еще одно траурно-мемориальное мероприятие, отметили годовщину Бабьего Яра. На том же пустыре у Востряковского кладбища опять собрались несколько сот человек. Эти мемориальные митинги стали наглядной демонстрацией решимости евреев отстаивать свое право быть народом со своей собственной историей, культурой, национальной памятью.

В эти дни случилось очевидное-невероятное событие - историческое для меня: я получил выездную визу. Ура! После семнадцати лет отказа я могу лететь домой, теперь и для меня открыты заветные двери международного аэропорта Шереметьево. Израиль, который всегда меня ждал, все годы и тюрем, и ссылки, теперь нетерпеливо звал: "Домой!" Но я не бросился сразу уезжать, и это неадекватное для таких ситуаций поведение вызвало немалое удивление и неудовольствие.

Почему я не спешил с отъездом?

Вся история моей жизни, трудное и долгое осознание мною своего еврейства, дает ответ на этот вопрос. Проложив свой долгий и такой непростой путь, я видел свой национальный и человеческий долг в том, чтобы помогать другим пройти этот путь и вернуться к еврейству. Я считал важным добиться реализации идеи создания публичного центра-библиотеки для евреев в Москве, а затем и еврейского музея - для тех, кто не уезжал и, возможно, долго еще не уедет. В те осенние дни 1987 года это требовало тяжелой борьбы с режимом. В этой борьбе я участвовал почти два десятилетия, в ней я был своим среди евреев, теперь же, когда многое менялось к лучшему, я оказался диссидентом среди своих же! Диссидент - всегда диссидент, тут уж ничего не поделаешь.

Я считал очень важным помочь тем, кто не уезжает, в возвращении к еврейской национальной культуре. Собственно этому - еврейскому просвещению, пробуждению и укреплению национального самосознания - были посвящены все эти долгие годы отказа, этим я жил и этим занимался два десятилетия. Для некоторых начальников в Израиле эта сторона дела не была приоритетной, так как над всем превалировала идея массовой алии, притом в кратчайшие сроки. Мне же казалось, что одно другому не мешало, скорее, наоборот, помогало...

Но все же главное, за что я боролся - это за право жить в Израиле. Я сделал в Москве то, что было в моих силах; мои же мысли, чаяния и устремления были связаны с Израилем. В январе 1988 года мы покидали Москву. На проводы пришли почти все еврейские активисты, мои коллеги по ГУЛАГу, отказники, диссиденты, родные, друзья и знакомые, иностранные журналисты. Пришли и Андрей Дмитриевич Сахаров с Еленой Георгиевной Бон-

нэр. Можно сказать, вся диссидентская Москва собралась тогда в кафе возле метро Войковская.

В связи с отсутствием прямых авиарейсов из СССР в Израиль мы летели через Бухарест. В столице Румынии мы были приглашены в израильское посольство, беседовали с послом д-ром Йосефом Говриным. Он работал в израильском посольстве в Москве в сталинские годы, воочию наблюдал разгул антисемитизма во времена так называемого "дела врачей", и нам с ним, конечно, было о чем поговорить.

День 20 января 1988 года я могу отмечать как дату своего второго рождения. Как я уже сказал, вначале мы прилетели в Бухарест, а оттуда самолет румынской авиакомпании взял курс на Тель-Авив. Тот ночной полет навсегда сохранился в памяти - я лечу в Израиль! Со мной моя семья, сын Боря, его жена, двое их детей. Я испытывал чувство необычайного волнения и подъема. За иллюминатором - непроглядная темнота, идет третий час ночного полета. Вспомнилась песня, которая была популярна у нас, отказников, годами ждавших этого часа: "Только три часа полета, а там и дом, и родина моя".

Самолет начал снижение. И вдруг... как необычный световой эффект внизу возникла залитая ярким электрическим светом панорама большого города. Четкая линия отделяет населенную землю от безлюдной поверхности моря - Эрец-Израэль, Земля Израиля! По мере снижения все отчетливее становились различимы элементы городской планировки: узкая полоска пляжа, большие здания приморских отелей, улицы и площади с бегущими по ним автомобилями.

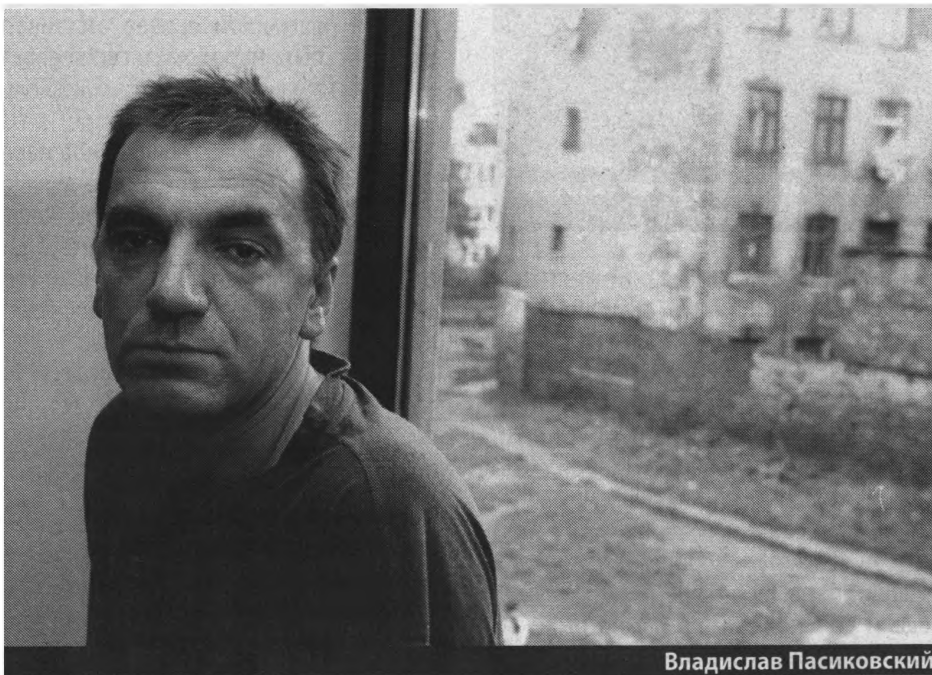
Была глубокая ночь. Но в аэропорту им. Бен-Гуриона нас ждали друзья, объятия, поцелуи, поздравления, выступления общественных деятелей. Были министры, депутаты кнессета, много незнакомых мне людей, участвовавших в широком движении за наш, русский Исход. У меня было чувство, будто я вернулся в свой дом. Туда, где я свой по непререкаемому праву принадлежности к этой земле, этому народу, этой истории. Это была радость того, что я, наконец, обрел то, что было запретным, к чему нас не допускали. И эта радость усиливалась осознанием того, что мое личное достижение является пусть маленьким, но вкладом в большое национальное дело, в историю нашего народа!

Когда официальная часть церемонии подошла к концу, и мы смогли, наконец, выйти за пределы аэропорта, оказалось, что нас ждал еще один сюрприз - десятки молодых людей, студентов религиозных училищ, совмещавших изучение Торы со службой в армии, дружными красивыми голосами пели израильские песни и танцевали, обнявшись за плечи. И вот они подняли меня на свои молодые плечи, другие сделали то же с Натаном Щаранским, и мы все продолжали танцевать...

Так начиналась моя новая, непростая, полная не только радостей и свершений, но и своих тревог и разочарований, жизнь - в нашей стране".

Белла КЕРДМАН

ВЛАДИСЛАВ ПАСИКОВСКИЙ, РУТА ВАНАГАЙТЕ... КТО ЕЩЕ?

Владислав Пасиковский

О польском фильме "Pokłosie" режисера и сценариста Владислава Пасиковского много говорено и писано в Интернете и бумажных СМИ. Писала и я. Писать и спорить продолжают, на шестом уже году существования фильма. Такое это кино. Название его на русский язык переводят по-разному: "Колоски", "Последствия", "Жнивье" и т.п. Я перевожу: "Стерня", что, кстати, подтверждено визуально: главный герой фильма, Юзек Калина стаскивает собранные по селу мацевы - еврейские памятники с разоренного кладбища на свое фамильное поле, где сжаты колосья, и ставит на стерню. Уже более 300 собрал.

Это "покута", покаяние, по-польски сказать, братьев Юзека и Франека Калина за преступление своей деревни в пору немецкой оккупации. Деревня на сей счет хранит глухую "омерту", обет молчания. Но они, два поляка из послевоенного поколения, обнаружив, что жили здесь раньше соседи-евреи, дознаются, кто согнал их в сарай и кто сжег там живьем. К ужасу своему узнают, что спичку к живому костру поднес их отец. Под жутким, космическим каким-то ливнем копают яму на старом семейном подворье (новое, оказывается, принадлежало одной из уничтоженных еврейских семей), и первым извлекают оттуда детский череп. Тут высокая трагедия шекспировского накала, с этим знанием невозможно продолжать прежнюю жизнь. Младший брат погибает - его распяли на воротах земляки из родной деревни. А старший возвращается в Америку, откуда приезжал в гости.

Несколько слов о завязке сюжета "Стерни", это важно. Фильм начинается с того, что Юзек Калина обнаруживает на плитах размытой дождем дороги непонятные письмена, узнает, что это старые еврейские надгробья, и задается вопросом: где потомки евреев, что жили и умерли когда-то в его деревне?

Еще более сильное потрясение, катарсис от истории со старыми еврейскими "мацевами" я испытала, когда случайно обнаружила в Интернете, что это не только эпизод фильма, а реальный факт! Рядом с небольшим городком Казимеж-Дольный, что неподалеку от Люблина, местные поляки соорудили из 600 фрагментов надгробий с уничтоженного в годы оккупации еврейского кладбища впечатляющий памятник жертвам Холокоста. В стеле-стене оставлена узкая щель, сквозь которую видно поле и лес, это выход на волю. И когда же поставлен этот памятник? В 1984 году! Тогда еще не было Польши, как мы помним, была ПНР - Польская народная республика в составе социалистического лагеря. (Кто-то - Бродский? Окуджава? - заметил, что Польша была самым веселым барраком в том лагере.) Не сомневаюсь, Владислав Пасиковский видел памятник в Казимеж-Дольном. Идея фильма "Стерня" имеет двойную реальную основу: трагедию городка Едвабне, где поляки зверски уничтожили более ста человек своих соседей-евреев, перед тем как туда вошли оккупанты-немцы, и этот вот памятник из разбитых надгробий неподалеку от

Люблина. На кинофестивале в Иерусалиме фильм получил приз института "Яд ва-Шем" и премию "Орел" Яна Карского (подхорунжего Армии Крайовой, сообщившего миру об уничтожении евреев Польши) за "мужество говорить "нет" антисемитизму". И еще несколько почетных наград. А в 2016 году попал в номинанты (к великому моему огорчению, не в лауреаты) Нобелевской премии.

И если герои фильма Пасиковского, братья Калина берут на себя покаяние за грех своей деревни, то он, режиссер и сценарист, фильмом "Стерня" покаяться за грех своего народа. Вот цитата из его интервью "Газете wyborczej": "В Польше нет (...) антисемитизма в масштабе, достойном Нюрнбергского процесса (...), или похожего на иранские угрозы Израилю. Но у нас присутствует повсеместный, мелкий, подлый, бездумный антисемитизм (...). Проблема в том, что, как доказала Германия 30-х годов, этот второй, "безобидный" антисемитизм легко может трансформироваться в первый, который выливается в геноцид".

Еще несколько слов о нем, актере, писателе, сценаристе и режиссере, достойном продолжателе традиций великого Вайды (кстати, сценарий к фильму Вайды "Катынь" написал В.Пасиковский). Он родился в 1959 году в Лодзи. В биографии почему-то отмечен его рост - 202 см!

Как сказано выше, споры о "Стерне" в Интернете все еще продолжаются. Мне в тему пришла одна цитата безымянного российского зрителя: "Вот еще чем мы отличаемся от поляков. Юдофобов фашиствующих полно - и у нас, и у них. Но вот

снять фильм об этом - нам слабо"! В качестве возражения подобным репликам не единожды попадаете в дискуссиях ссылка на фильм "Из ада в ад" российского режиссера Дмитрия Астрахана. Информация для несведущих: этот фильм, во-первых, не на местном материале, он о погроме в том самом польском городке Кельце. А во-вторых, Дмитрий Астрахан сделал его по сценарию польского автора, где основная идея была в том, что погром спровоцирован КГБ. Астрахан же счел такой сюжет примитивным (!) и переработал его. Ибо (сказал он) ему было важно показать механику вражды: как нормальные люди в одночасье превращаются в зверей.

Но что-то меня здесь цапнуло - на счет КГБ. Нашла. Вот свидетельство Моше Хенчинского, еврейского мальчика из Лодзи, на глазах которого отправили в газовую камеру Освенцима его родителей. Чудом выживший мальчик стал высокопоставленным офицером польской контрразведки, впоследствии профессором-экономистом Иерусалимского и Гарвардского университетов. В своей книге "Одиннадцатая заповедь: не забывай", изданной в 2007 году в Иерусалиме, этот человек, в частности, рассказывает о том погроме 4 июля 1946 года в Кельце, где поляки убили 75 евреев. Оказывается, за несколько дней до погрома в тот городок прибыл офицер советской разведки высокого ранга (Моше называет имя, с отчеством и фамилией). Местные жители видели его в форме польского офицера. А через несколько лет этот человек оказался в Тель-Авиве на посту секретаря советского посольства, исчез оттуда сразу после

Шестидневной войны и всплыл затем в Германии в качестве главы торговой фирмы.

Так в какую же тему мне пришлось отклик безымянного российского зрителя? Что, он считает, "слабо" его отечественному кино? А вот что: создать покаянный фильм об активном участии коренного, то есть титульного населения оккупированной местности в "окончательном решении еврейского вопроса". Я думаю, нашелся бы среди российских мастеров и сценарист, и режиссер для подобного фильма. А уж сюжетов там на местном материале - завались, сейчас даже кое-какая статистика открывается. И спонсорские средства, вероятно, можно собрать среди российских толстосумов. Однако провести такой фильм по всем официальным инстанциям, а затем получить разрешение на его демонстрацию - это, действительно, путинской России слабо.

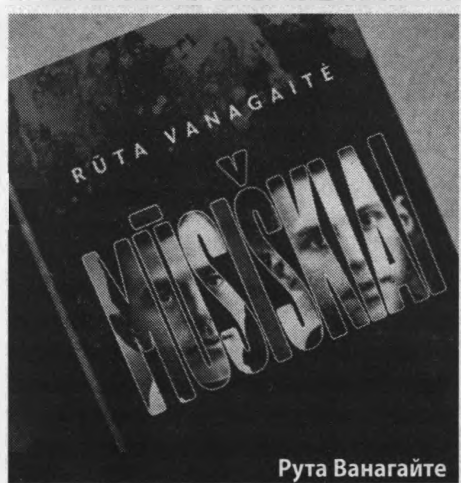
Вот этой темы: пособники нацистов из местных неевреев, я и пытаюсь коснуться. И потому вместе с поляком Владиславом Пасиковским вынесла в заголовок статьи Руту Ванайте, литовскую писательницу журналистку и театрального критика, автора шокирующей книги "Наши", вышедшей в свет в январе прошлого года. Эта книга - об участии литовцев в уничтожении евреев в пору Второй мировой войны. Тогда в Литве погибло 200 тысяч наших соплеменников - 95 процентов от общего их там числа. Первый тираж "Наших" составил две тысячи экземпляров, которые мгновенно разошлись, выпустили дополнительные, а всего вышло 19 тысяч экземпляров "Наших", что для Литвы довольно много.

Этой женщине взрывоопасная ее книга достается много труднее, чем польскому режиссеру его фильм. Ведь не он первый поднял тему покаяния в своей стране: уже официально покаяться и президент ее, и глава католического клира. А сейчас мэр Варшавы даже рекомендовал "Стерню" для школьных просмотров. Множатся открытые акции поляков на "жидовский темат" - спектакли, дискуссии, перформансы... А Рута со своей книгой одна. По крайней мере, пока. Если не считать некоторых литовских историков, которые пишут правду о Холокосте. Но кто читает их научные работы, написанные скучным языком, изданные мизерными тиражами? Даже Рута признается, что их до написания книги не читала, полагая, как все в ее окружении, что преступления творили немцы, которым, правда, помогали некоторые литовские подонки, но их было совсем немного.

Надо сказать, в 1995 г. тогдашний президент Литвы Альгирдас Бразаускас принес извинения еврейскому народу за все, содеянное литовцами в период немецкой оккупации. Но это была, скорее, политическая акция, чем потребность самого народа. Составленный Литовским центром исследования геноцида и сопротивления список из 2055 фамилий людей, подозреваемых к причастности в массовых убийствах евреев на территории страны, был направлен в правительство, где лежит "под сукном" до сих пор. На свой вопрос вице-канцлеру Литвы - доколе?! - Рута

Рута Ванагайте

Рута Ванагайте

Ванагайте ответа не получила.

Она узнала правду от Эфраима Зуроффа, главы израильского Центра Симона Визенталя, "охотников за нацистами". И какая же нужна была отвaga немолодой (под 60) женщине, чтобы задать, прежде всего себе самой, ряд вопросов. Откуда эта кровать, эти часы и шкаф в доме моей бабушки? Откуда все эти вещи в нашем антикварном магазине - литовцы ведь крестьяне? Чтобы спросить у своих соотечественников: "Чьи зубы у ваших бабушек во рту? Сколько наших стариков ушли на католическое кладбище с еврейскими зубами?".

Вместе с Э.Зуроффом она ездила по местам бывших шtetлов, опрашивала тех, кто жил в пору Холокоста. Участники злодеяний им почти не встречались - ушли в мир иной, а свидетелей, бывших тогда детьми, подростками - находили. Они помнят и рассказывают, но с условием: не фотографировать их и фамилий не называть. Боятся. На вопрос Руты - кого? - отвечают: своих, литовцев. Странствие в прошлое она продолжила в архивах - читала протоколы допросов, признательные свидетельства пособников оккупантов. И выяснила, что литовцев не принуждали к участию в массовых убийствах евреев под пытками и угрозами расстрела. Было вполне добровольное сотрудничество.

Рута рассказывает: "И я как будто читателя повела по той же дороге, по которой сама пошла, будучи дилетантом. Люди не говорили об этом, простые люди об этом не знали, в школе это не преподается нормальным образом. Сколько Холокосту посвящено в школе? Два урока! Мы убили

200 тысяч своих жителей - и в школе мы учим полтора часа об этом. Что можно узнать? Люди моего поколения думали, что в мацу кладут кровь. Ведь если убивали, не просто же так, а за что-то убивали. Их всегда ненавидели, и за что-то, стало быть, можно их ненавидеть? Это "не наши" люди! Это было самое серьезное открытие для меня. Не наши убивали, и не наших убивали". По статистике, которой владеет сейчас Рута, в числе ее соотечественников в пору немецкой оккупации было пять тысяч "расстрельщиков", а еще были те, кто обеспечивал охрану, составлял списки, решал административные вопросы, занимался распределением и сбытом еврейского имущества.

И если уж Рута Ванагайте решила сказать правду об участии своего народа в уничтожении другого народа, она говорит всю правду, которую так не хочется слышать большинству, и не только в Литве. На одной из дискуссий, в которой приняли участие видные представители литовской интеллигенции, она жестко парировала каждую попытку как-то смягчить тему. Кто-то говорил, что страна долгое время была несвободна, отсюда и "несознательность" народа, кто-то называл адреса поставленных евреев памятников и т.п. А Ванагайте говорила о других памятниках - "лесным братьям", среди которых были пособники немцев, убивавшие евреев. Вот одна из ее реплик:

"Была полиция, была гражданская администрация, литовская, в эти времена, там работало сверх 20 тысяч человек, а немцев было у нас от 600 до 900. И наши участвовали, им сказали составить списки евреев, и они составляли. Им сказали выкапывать ямы - они выкапывали. Им сказали раздавать еврейское имущество - они раздавали. И я подумала, вот моя бабушка, которая жила в Паневежисе, там было роздано по всем спискам где-то 200 тысяч разных вещей. Людей было 25 тысяч. Значит, моя бабушка получила сколько вещей? А может, она не брала, она купила? Эти вещи сейчас у меня. У моей бабушки были золотые зубы, у моей мамы были золотые зубы, откуда это золото? В советские времена, когда ты приходил к зубному врачу, он спрашивал: "Ваше золото или наше?". И когда я подумала, сколько вообще людей в Литве прикоснулись, причастны к

этому, я хотела просто это открыть. В каждой нашей семье такое могло быть, и надо просто осознать это".

Тем же простым, понятным языком, каким написана ее книга, говорила Рута Ванагайте на третьем заседании Интеллектуального клуба Светланы Алексиевич в Минске. Призналась, что в родной Литве ее не пускают к читателям, не пускают в школы. Недавно, в минувшем мае она выступила перед читателями в Елгаве (Латвия), встречу организовало общество русской культуры "Вече". На таких встречах она рассказывает не только о содержании своей книги, а и о том, как собирала в местах, где жили когда-то евреи, свидетельства местных жителей - тех, кто что-то помнит о Холокосте. "У нас есть Центр геноцида, и говорили, что нужно пять историков, которые работали бы пять лет, и они бы знали все про Холокост. Руководитель этого центра говорит, что свидетелей не осталось. Я проехала по тем местам. У каждого места есть изба, две-три избы, и люди еще живы, но им 85 лет. Когда кто-то будет с ними профессионально разговаривать? Нет политической воли найти этих пять историков, дать им пять лет, или десять историков и три года, - говорит Рута. - Очень много дел, которые еще никто не читал!"

Литовцы настолько хорошо выполнили свою "работу", что нацисты стали использовать их для выполнения таких же акций в местах, населенных другими этносами. Этот прием использовался в реализации политики "юденайн" регулярно. Так, восстание в Варшавском гетто подавлялось украинскими и белорусскими полицейскими, при участии русского батальона Каминьского. В Белоруссии, как видим, "работали" литовцы. Как узнала автор книги "Наши", в обиходе ее соотечественников-полицаяев не было слова "евреи", было другое: "обреченные"...

Рута Ванагайте отказывается давать интервью российским журналистам, не соглашается на перевод ее книги на русский язык. Говорит: "Это наше, литовское дело, мы сами должны разобраться". В Интернете, однако, появляются чьи-то русские переводы или пересказы каких-то отрывков, даже глав "Наших". Рута теряет друзей, даже родственников. Находит понимание у читателей из молодых, потрясенных жестокой правдой о своем народе. С удовлетворением сообщает: "Мои дети сказали, что мной гордятся".

Вот отрывок из книги "Наши" - свидетельство Юозаса Алексинаса, расстрелявшего евреев в Белоруссии. Тогда ему было 28 лет, и он - единственный, кто решился открыть свое имя.

- Так вас возили по всей Белоруссии?
- Возили.
- А евреев вы расстреливали в каких городах?
- Во всех. Ехало много машин, в большой город везли батальон. Нас возили в крытых немецких машинах. Никто нам не говорил, куда едем. Местная полиция ходила по квартирам и собирала евреев, сгоняла их на площадь. Затем распределяли по списку, немцы оставляли себе тех, кто был нужен - врача какого-нибудь, может

инженера, остальных гнали в яму. Ямы уже были выкопаны за городом, на откосах.

- Сколько вы видели таких расстрелов?
- Я и сосчитать уже не могу. Около 10, наверное. Мы сами должны были гнать с площади к яме, а в конце расстреливали. Брли группу из этой массы людей и уничтожали.

- Эти люди были с вещами?
- Нет, на них была лишь одежда. Вещи из домов не давали брать. Их гнали строем, по четыре человека. В большом городе колонна была длинная. Часть солдат стояла на краю ямы, другая гнала к яме. Сгоняли в яму, заставляли лечь, и мы расстреливали их.

- Стреляли в лежачих?
- В лежачих. Один ряд проходит, тогда сверху залезает второй, на него следующий.

- Землей не засыпали?
- Нет. В конце засыпали хлорной известью. Кто их потом закапывал, не знаю. Мы расстреливали и уезжали. Нам выдавали только русские ружья и патроны. В их числе были разрывные пули и горящие пули. Бывало, загорается одежда, одних гонят, а одежда уже горит, такой удушливый запах горящего тела. Противно. Не могу вам объяснить, это надо видеть.

- Людей пригоняли, и они должны были ложиться на горящие трупы?

- Да. Ложились, и все. Шли, не сопротивляясь. Не было такого, чтобы остановились на краю ямы: не пойду... Раздевались, забирались и ложились.

- Куда надо было целиться?
- Обычно в грудь. Или в затылок. Но бывало разрывные быстро вскрывали голову при попадании в затылок.

- Сколько за время одной акции расстреливали?

- А черт их знает. Сколько пригоняли, столько расстреливали. Не закончив, не уезжали. Назад эту группу уже не везли. Никто не сообщал, сколько, пригоняют тысячу или две, или сто, или еще сколько-то. Идут как агнцы какие, никакого сопротивления.

- А дети?
- Несли детей маленьких, других за руку вели. Всех уничтожали.

- Если мать или отец держали ребенка на руках, так вместе с ним ложились в яму?
- Ложились, и ребенка рядом с собой, руку на него клали.

- Так вам надо было выбирать, в кого стрелять - в отца или ребенка?

- В таком случае сначала стреляешь в отца. Ребенок ведь ничего не чувствует. Сами подумайте: как чувствует себя отец, если рядом с ним ребенка застрелят? Не из автомата ведь стреляешь, одна пуля в отца, другая уже в ребенка.

- Когда вас посылали на расстрелы, какое настроение у вас было?

- Не спрашивайте. Становится человек таким автоматом. Делаешь, сам не знаешь, что. Жутко. Немцы стреляли редко, обычно фотографировали...

- Когда вы расстреливали, думали ли, за что этих евреев расстреливают?

- Я больше никого не виню, только Бога, если он есть, почему позволяет убивать безвинных людей. И тогда я также думал.

ЧУДАКОВАТЫЙ ТАЛАНТ: ВИКТОР УРИН

Феликс РАХЛИН

*Оборвалась нитка -
Не связать края.
До свиданья, Лидка,
Девочка моя...*

Впервые эти строчки я услышал, кажется, еще во время войны, подростком. Старшая сестра - ей было лет около двадцати - писала вовсю стихи, училась на филологическом в Харьковском университете и бегала в литературное объединение молодых авторов при Союзе советских писателей. Там бывали и раненные фронтовики, воротившиеся домой, - например, Григорий Поженян - галахический (по маме) еврей, будущий знаменитый поэт, но уже и тогда известный в армии отчаянный храбрец, о котором ходили легенды. Сестра рассказывала и о Владике Бахнове - этот в армию призван быть не мог по причине отсутствия ноги, однако отличался отменным чувством юмора, по этой части и прославился потом в литературе. Возможно, от них, своих чуть старших ровесников, сестра услышала и эти строки, и имя их автора, но когда вскоре стал в нашем доме бывать поступивший на тот же университетский филфак москвич и тоже недавний фронтовик Юлик Даниэль и читал на память поэму Виктора Урина "Лидка", я уже знал и это название, и фамилию автора, да и дальнейшие строки помнил: "Где-то и когда-то / посреди зимы / горячо и свято / обещали мы: // мол, любовь до гроба / будет все равно, / потому что оба / мы с тобой одно".

По словам Юлика, не было ни одного солдатского альбома (а юная ребятня, вчерашние подростки, попав на фронт, не слишком пунктуально выполняли запреты начальства на ведение дневников и на другие "излишества" фронтового досуга), куда бы не попала из уст в уста передаваемая поэма юного танкиста. Все меньше остается тех, кто мог бы подтвердить: нехитрым сюжетом своего творения автор попал прямо в больной нерв поколения: судьба девчонок, во множестве участниц той небывало страшной войны, трагична и сама по себе, и по миллионам трагедий, отраженных в судьбах их женихов, возлюбленных, милых дружков. Знаменитые четыре шага до смерти ощущались всеми фронтовиками и далеко не всегда предохраняли от безрассудных поступков и связей, скорее - наоборот, толкали к этому и бывалых, и девственных юношей и девушек. Лихая аббревиатура ППЖ ("полевая походная жена"), охальная пародия на трогательную песенку ("На позиции - девушка, а с позиции - мать, на позиции - честная, а с позиции..." - все это (я свидетель) звучало и взрывалось в

Виктор Урин выступает перед десятиклассниками 131-й Харьковской мужской средней школы. Справа - ученик 10-А класса Юра Мурызин. Фото ученика этого же класса Юры Куюкова. Весна 1949 г.

воздухе и в душах людей, и юный поэт, описавший, может быть, и не свою, а чужие трагедии, угодил в точку. Уже одно это надо бы хранить в анналах еврейской нашей страны: ведь автор стихов был евреем.

Нам, харьковчанам, поэма светит еще и особым светом нашего города: "Помнишь Техноложку, / школьный перерыв, / зимнюю дорожку / и крутой обрыв? // Голубые комья, / сумрачный квартал, / где тебя тайком я / в губы целовал? // Там у снежной речки / я обнял сильней / худенькие плечики / девочки своей. // Было, Лидка, было, / а теперь - нема... / Все поносила / новая зима".

(Пересмешник В.Бахнов не пропустил забавного созвучия - и еще тогда, во время войны, спародировал: "Было, Лидка, было, а теперь нема-с... Было - литкобыла, а теперь - Пегас". Скаламбурил и Даниэль: "Было - литкобыла, а теперь - литконь, жеребьяче мыло, творческий огонь". Правда, возможно, я перепутал, кому принадлежит первый вариант, кому - второй...)

Думаю, и независимо от того, откуда вы: из шумной столицы или с глухой окраины, из России, Украины или Молдавии, но сердце откликнется сладким воспоминанием, трогательными подробностями знакомой вам жизни. А землякам автора внятно и дорого воспоминание о "Техноложке" - старинном Технологическом саде, где над крутым обрывом, обращенным к восточной части города, и ныне стоят корпуса Политехнического университета, - сколько влюбленных на краю этой кручи клялись здесь друг дружке в пылкой любви...

Прекрасную, чистую поэму создал

юный поэт. Потом участвовал в боях, был ранен, выжил, но стал инвалидом и уже в 1944-м поступил в Литературный институт Союза писателей в Москве. В 1949-м, приехав в родной Харьков, остановился у родственников, и его кузен, десятиклассник, мой соученик и друг, привел его в нашу школу на занятие литературного кружка, где по такому случаю собрались оба выпускных класса чуть ли не в полном составе.

В то время имя Виктора Урина привычно звучало в "обойме" имен фронтовых поэтов: как погибших - москвича Павла Когана, нашего харьковчанина Михаила Кульчицкого, Всеволода Багрицкого (сына прославленного Эдуарда), так и выживших: Алексея Недогонова, Сергея Наровчатова, Семена Гудзенко... Теперь можно к ним добавить и Юлию Даниэля, и Бориса Чичибабина... "Придут домой ровесники мои - ребята, побывавшие в Европе...", - писала моя сестра в своей ранней поэме, созданной в канун Победы. Первая книга В.Урина называлась "Весна победителей". То была весна надежд, пьянящих вдохновений. Но и то, что метко выразил позднее другой поэт: "Это праздник со слезами на глазах". И улыбка, и слезы явственны были нам в стихах, которые читал Урин. Одно из них урывками запомнилось мне на всю жизнь. Оно называлось "Продавец песен": стихи о безногом инвалиде войны, из тех, что с грохотом проезжали по городским тротуарам на самодельных каталках, снабженных четырьмя шариковыми подшипниками по углам: человеческий обрубок зажатый в кулаках двумя деревяшками. Не каждому удавалось, потеряв ноги,

вернуться в строй, как вернулись летчики Алексей Маресьев или его предшественник Захар Сорокин, да ведь и этим повезло: если бы им ампутировали нижние конечности от колена или выше - никакая воля не помогла бы вновь сесть за штурвал. Но многие из обезноживших и летчиками-то не были, и мог ли обрубок вернуться в пехоту? Дивно ли, что многие из таких падали духом, спивались. Что же сделала любимая Родина, чтобы их поддержать, не дать им пропасть?

А Родина, волей своих бессердечных вождей, как мы теперь знаем, уже вскоре очистила от таких обрубков свои города, собрав этих несчастных в специальные схроны, устроенные в дальних уголках огромной державы: с глаз долой - из сердца вон! Читайте, например, повесть Михаила Веллера "Самовар". Оказывается, "самоварами" юмор висельников нарек обрубок без рук и ног, - с одним "крантиком" промеж нижних культей... Ужас!

Но в то время, когда нам читал свои стихи Урин, эта небывалая "санация" еще не была проведена. Безногий персонаж стихотворения на своих подшипниках вкатывается в вагон электрички. У него в руках - листочки бумаги с напечатанными на пишмашинке текстами популярных песен. Граждане, - говорит он, - вагон ваш тесен, / и простите, что двигаюсь по ногам, / но я, граждане, продавец песен, / я хочу, чтобы было весело вам!"

И он раздаст, - ну, пусть продает за мелкие деньги - популярные песни довоенные и военных лет: "Вам, девушка, Парень кудрявый", а вам, лейтенант, "Офицерский вальс"!"

Потом в стихах, которых я уже не помню наизусть, говорится, как продавец песен выкатился в тамбур и украдкой, думая, что никто его не видит, смахнул с глаз непрошеную слезу.

Но эту-то слезу увидел и увековечил автор. Мы еще раз слушали стихи Виктора на авторском вечере, который прошел в филармонии. Большая группа школьников составила заметную часть не очень просторного зала. Автор рассказал, что тогдашняя критика не могла ему простить именно этой слезы: грусть противоречила официальному оптимизму, насаждавшемуся властями. Не уверен, появилось ли стихотворение в печати. Думается, что если так оно врезалось мне в память (а прошло 68 лет!), такие стихи следует помнить. И стоит вспомнить имя поэта, сумевшего их создать.

Поэтические авторские вечера были в то время редким явлением. Мы, десятиклассники, "проходя" на уроках литературу начала века и советскую, как раз читали и слышали от учительницы об арткафе "Бродячая собака" и "Бубновый валет", задиристых выступлениях футуристов. Читали о том, как блистал на своих

встречах с молодежью Маяковский. Но ничего подобного не наблюдали. А тут живой поэт рассказывает столичные новости, отвечает на вопросы публики... Попробуй забудь!

Следующая моя встреча (а лучше бы сказать "невстреча") с этим поэтом была заочной: неся срочную солдатскую службу в Приморском крае, прочел в выходящей в Хабаровске окружной дальневосточной газете "Суворовский натиск", а потом и в краевом владивостокском "Красном знамени", об автопробегах, который предпринял поэт Виктор Урин по маршруту Москва - Владивосток на машине М-72 горьковского автозавода. Были напечатаны, по-моему, какие-то его путевые записки и стихи... Готовя эту статью, нашел и прочел его книгу в Интернете об этом пробеге - она перегружена массой тогда, возможно, злободневных, но сейчас уже совершенно не актуальных сведений, однако поражает отлично продуманной организацией путешествия, особенно трудного в условиях совершенно не развитого тогда в СССР автомобильного туризма.

Прошел еще большой кусок жизни. В мой предпенсионный (по советским понятиям) год развитие событий влило нашу семью в поток Большой Алии. Через несколько лет, поехав в Харьков проводить сестру, навестил того своего одноклассника, чьим кузеном был поэт Урин, и совершенно неожиданно застал там Виктора: он приехал в гости из... Нью-Йорка. За столом сидели и другие (прибывшие повидаться со мною) наши с хозяином квартиры одноклассники - из тех, кто когда-то присутствовали на выступлениях поэта. Дело было 8 мая, в канун Дня Победы. По этому ли случаю или просто для шутки, "американский гость" повязал через плечо широкую ленту, как повязывают свадебные шаферы, а к ней прицепил вперемешку советские ордена с американскими какими-то значками.

Как водится, начались тосты. Слово взял Урин. Он предложил выпить за страну, которой вот уже несколько лет нет на карте, которая распалась на полтора десятка стран. "Предлагаю выпить за ту страну, которой уже нет, но это была замечательная страна, страна-победитель!" - сказал проживший в эмиграции около двадцати лет наш давний знакомец. Почему-то за столом возникла неловкость - я почувствовал это, но помалкивал. Ответил, неожиданно для меня, Юра Куюков, один из моих школьных близких друзей. "Вы сказали, замечательная страна. Но в нашей семье всегда царил страх. Одного моего родного дядю, украинского прозаика Васыля Чечвянского, маминого брата, в 1937 году расстреляли. Другого брата, дядю Павлушу, известного в советской литературе как Остап Вишня, посадили на 10 лет за "буржуазный национализм". А во время войны вдруг освободили. Но реабилитировали обоих только после смерти Сталина. И дядю Васыля, как и сотни тысяч других, уже не вернуть.

Но это не все, - продолжал мой друг Юра. - Мой отец - наполовину крымский татарин, а на другую - этнический грек. В

конце войны и тех и других в полном составе выслали из родных мест в отдаленные районы страны. Отца спасло то, что он не жил в родных местах. Но и он, и вся семья пребывали в вечном страхе... Замечательная страна!"

Я помалкивал: как "иностранцу" мне не стоило выступать, но все присутствующие знали трагедию нашей семьи: мои мать и отец в один день были арестованы, затем приговорены без суда к десяти годам "особых" лагерей и вернулись по реабилитации раньше срока только благодаря той же смерти Сталина.

На перевитого шутовской лентой поэта было жалко смотреть. Он сник, притих и вскоре тихонько ушел из-за стола в другую комнату.

Но меня вскоре по возвращении в Израиль ожидала здесь еще одна с ним встреча-невстреча. И опять на страницах газеты. В то время еще выходила русскоязычная "Наша страна". И в предсубботнем приложении к ней - еженедельнике "Пятница" я прочел явную перепечатку из российской прессы (правда, не было указано, из какой газеты и кто автор) - статью, основанную на материалах из открытых тогда секретных архивов советских и партийных учреждений. В этой воспроизводился документ из архива ЦК КПСС времен после ввода советских войск в Чехословакию (август 1968). В том числе письмо на имя секретаря ЦК КПСС Демичева. Поэт сообщает, что советские "писатели, не располагая красноречивыми документами антисоциалистического фронта, относятся к чешской "демократизации" (кавычки проставлены Уриным. - Ф.Р.) с симпатией (...). С восторгом передается из уст в уста, как благородная легенда, что ответное Открытое письмо писателей высшей лиги по чешскому вопросу отказались подписать Леонов, Твардовский, Симонов и ряд других наших крупнейших". Далее Урин пишет: "Я уважаю поэта Винокурова... учился с ним в литинституте и хорошо знаю, кто были его учителя... прекрасные советские поэты, патриоты, коммунисты, фронтовики. Однако в своей Автобиографии... своими наставниками он считает Пастернака и Ахматову, которые якобы хорошо к нему относились, о чем поэт сообщает с гордостью. (...) При этом поэт добивается увеличения тиража (своей новой книги. - Ф.Р.), и его усилия завершаются успехом: 100000 экземпляров. (...) "прогрессисты" побеждают (...) а у "консерваторов" дела плохи, так как они не считают своими кумирами Ахматову и Пастернака и, соответственно, таких тиражей не имеют".

Что это, как не откровенный и гадостный донос, да еще и с прямым намеком: подайте мне, "консерватору", на молочишко: увеличьте тираж моих книг (а, значит, и мой доход) на 30 сребреников!

Погодим, однако, с окончательными выводами, хотя, конечно, доносы, особенно корыстолюбивые, симпатии не вызывают. Проследим - но теперь уже только по свидетельствам в прессе и в Сети, - факты дальнейшей жизни поэта. Казалось бы, верноподданнический донос должен снискать автору расположе-

ние властей? Да нет, случилось иное: в 1974 году его исключают из Союза советских писателей. Причина - предложение Урина создать Всемирный союз поэтов, с советской секцией в нем. Его вызывают на заседание писательского правления и предлагают отказаться от "странного" предложения. Как не так: Урин вынимает из кармана красивый конверт и письмо на иностранном языке. Зачитывает перевод: президент Сенегала (Африка) Леопольд Сенгор, франкоязычный поэт, известный в мире как один из видных деятелей африканской общественной мысли, сообщает Урину, что письмо с предложением создать Всемирный союз поэтов и занять должность вице-президента этого союза принимает с благодарностью, а Президенту союза поэтов (этот пост Урин скромно оставил за собой?) обещает предоставить в столице Сенегала Дакаре достойную этого руководителя резиденцию.

Литературные мужи в шоке. Представитель КГБ в союзе писателей Юрий Верченко бежит к вертушке советовать с высоким начальством: что делать? И, как можно догадаться, получает однозначный ответ, в результате которого весьма нестандартный поэт из писательского союза исключается.

И тут Виктор Урин оказывается в роли диссидента. Он начинает издавать самодельный журнал "Мост", в котором помещает свою поэму о Сахарове. Затем пишет письмо Брежневу, в котором просит отпустить его на свободу в... Африку. У Леонида Ильича от шока "отваливается челюсть": новый диссидент сообщает, что президент Сенегала уже согласился предоставить ему политическое убежище. Это первый случай, когда советский человек попросил об убежище в Африке. Возможно, Генеральный секретарь ЦК вспомнил басню С.Михалкова "Заяц во хмелю": "Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться! Да я семь шкур с него спущу! И голым в Африку пущу!.." Во всяком случае, вождь партии, говорят, махнул рукой и сказал: "А, пусть едет!"

Тут в разных источниках - разная информация. Вроде бы, года два поэт, выехав из СССР, провел-таки в знойном Сенегале. Известно лишь, что с 1977 года он жил в Нью-Йорке. При мне в Харькове сам Урин рассказывал, что, в отличие от большинства советских эмигрантов, убыл из СССР как советский гражданин и с полномочиями от советского олимпийского комитета: хлопотать о включении поэзии в программу... Олимпийских игр!

Мне и сейчас неясно, как (если допустить, что такое предложение приняли бы) должны подводиться итоги соревнований поэтов, пишущих на разных языках, в разных национальных эстетических традициях... "А судьи - кто?!"

Так или иначе, В.Урин прожил в Америке около 20 лет. Умер там же в 2004-м, в возрасте 80 лет. Писал стихи, издавал книги. Много экспериментировал в поэтической технике. Еще в СССР ему, как и ряду других поэтов, довелось услышать традиционные в той стране упреки в "формализме". Теперь он и впрямь разработал ряд новых стихот-

ворных форм: "всерифмовик", "трехбуквенник", "кольцевой акrostих" и другие...

Об Урине пишут сейчас не много. Но если пишут, то как о большом чуде. Вот только краткая выписка из Википедии: "Привез в Москву орла и ходил с ним по улицам. За разведение у себя в квартире костра получил 15 суток ареста". Литературовед Бенедикт Сарнов вспоминал, как на заседании (почему-то) бюро секции поэтов в ССП обсуждалась просьба Урина продать ему... вертолет! Председатель секции Ярослав Смеляков якобы предложил принять такое решение: "Пусть Урин вставит себе в... пропеллер и летает".

Он был женат на (и одним этим уже вызывает у меня уважение) талантливой поэтессе Маргарите Агашиной - авторе текстов замечательных песен: "Растет в Волгограде березка...", "А где мне взять такую песню...", "Что было, то было..." и множества других.

Орел, которого он таскал с собою на плече по улицам, нашел отражение и в поэтической мемуаристике. Вот отрывок из стихотворения волгоградского поэта Александра Ананко - тот вспоминает, как явился к супругам-поэтам домой, услышать от них мнение о его стихах: ✂ привычной живостью в натуре, / С орлом облезлым на плече, / Открыл мне двери Виктор Урин, / Не огорчив меня ничем. // Он по плечу меня похлопал: "Все будет гуд, я прочитал". / При этом сам глядел, как сокол, / Орел же старчески дремал. // (...) Мне было отчего-то зябко, / Все ощущения новы... / Вот появилась и хозяйка, / Она была со мной на "вы": "Что вы одарены - бесспорно, / Но быть поэтом - как сказать. / Что это все годится в сборник, / Мне попытайтесь доказать..."

В ином контексте упоминается об орле в воспоминаниях литературоведа Геннадия Красухина. Он пишет, что пресловутого орла поэт брал с собою в дальний автопробег через всю страну, привязав к капоту внедорожника. В комментариях к этому тексту в Интернете - реплика Леонида Бахнова - определенно сына упомянутого юмориста Владлена: "Орел Урина ненавидел. А Урин орла боялся". У меня, хотя я, как в анекдоте, "не орел, а Лев", тоже не вызвала симпатии к поэту перевозка несчастной птицы на радиаторе машины. Как это далеко от пушкинского: "Мы вольные птицы, пора, брат, пора..." Но в том, что поэт орла боялся - сомневаюсь: а как же носил на плече?

Но в том, что Урин был "большой оригинал", сомневаться трудно. В одной из биографий Агашиной говорится, что у супругов родилось двое детей: Елена и Виктор. Но в биографиях Урина сказано, что его сына зовут Сенгор: по фамилии президента Сенегала. Действительно, в социальных сетях есть живущий в Москве Урин Сенгор Викторович - кажется, единственный во всей России носитель такого имени. Предполагаю, он и есть Виктор, просто Агашина была более склонна к традиционализму, а Урин - к эксцентризму. Хотел спросить у самого Сенгора, навязавшись ему в "друзья", но связаться пока не удалось.

ШАЛОМ, ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ!

Галина ПОДОЛЬСКАЯ

"Шалом, Шолом-Алейхем! Здравствуй, писатель Соломон Наумович Рабинович, взявший себе замечательный псевдоним Шолом-Алейхем!

Израильские художники приветствуют тебя, художник слова, сумевший объединить людей своим талантом, воплотив в слове еврейское бытие.

4 мая в Киеве в Музее Шолом-Алейхема открылась выставка израильских художников - совместный проект Объединения профессиональных художников Израиля, Украинско-Израильского центра образования, науки и культуры (Уманский государственный педагогический университет) и Музея Шолом-Алейхема - филиала Музея истории Киева.

На открытии выставки было представлено 34 работы 14 израильских художников. Состоялась презентация издания "Шалом, Шолом-Алейхем" (Иерусалим, 2017).

Шолом-Алейхем - художественное звено между Израилем и Украиной, которое всегда на слуху. Произнося имя писателя, мы вспоминаем о блуждающих звездах, ибо "каждая звезда - это душа человека. А куда идет душа, туда идет и человек. Вот почему нам представляется, будто звезды падают". Так утверждал Шолом-Алейхем и был прав...

Шолом-Алейхема иллюстрировали ведущие еврейские художники XX века - Натан Альтман, Мане-Кац, Анатолий Каплан, Меер Аксельрод, Герш Ингер. Музей Шолом-Алейхема в Украине открылся в XXI веке. С его открытием связана и новая страница памяти о писателе. Мыслимый пунктир истории нового тысячелетия обретает материализующиеся приметы нашего времени. К ним относится и израильская коллекция произведений изобразительного искусства, переданная в дар музею Объединением профессиональных художников Израиля.

Музей Шолом-Алейхема в Киеве - первый на территории современной Украины государственный музей еврейской тематики. Судьбы еврейского и украинского народов были многообразно соединены на протяжении многих веков. Во многом сходны судьбы украинских и еврейских писателей. Потребность в создании такого музея очевидна. Не менее закономерен и интерес Израиля к сотрудничеству с ним. А тут еще и неслаженный юбилей с двумя нулями. В 2016 году исполнилось 100 лет со Дня памяти писателя-классика. К этой дате и был задуман Международный

Израильские художники - памяти писателя

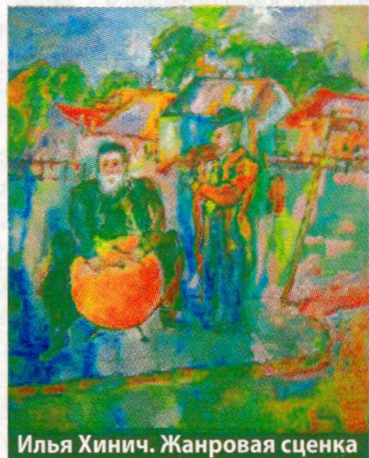
Обложка издания "Шалом, Шолом-Алейхем!"

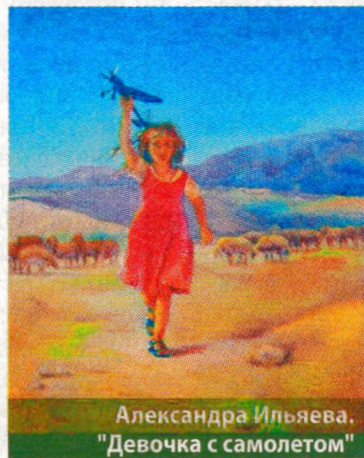
Виктор Бриндач. Ицхак и Ривка

Анна Зарницкая. "Скрипач"

Илья Хинич. Жанровая сценка

Александра Ильева. "Девочка с самолетом"

культурный проект "Шалом, Шолом-Алейхем!" Но выставка "перешагнула" юбилей. Итак, "за жизнь", которую так любил Шолом-Алейхем и которая продолжается в творчестве.

В израильскую коллекцию входят разные произведения: это и печатная графика, дающая представление о гравюре как жанре в годы СССР, и израильская живопись начала нового тысячелетия - акварели, работы маслом и темперой. В основном - фигуративная живопись, изобразительный язык которой наиболее точно отражает литературный характер заявленной темы.

Работы по мотивам произведений Шолом-Алейхема вдохновлены личностью писателя, его

персонажами, сюжетами, уникальной манерой изложения. Вместе с тем это и размышления нашего поколения о мире, в котором мы живем, о наших городах и поселениях, о нас и наших детях, о наших традициях. Все это уже находится в Киеве - в городе, где писатель жил и творил с 1897 по 1905 гг.

В акции дарения приняли участие художники: Виктор Бриндач, Борис Гейман, Рут Гроссман, Андриан Жудро, Анна Зарницкая, Александра Ильева, Вячеслав Ильев, Иосиф Капелян, Борис Котляр, Аркадий Лившиц, Маргарита Левин, Анатолий Метла, Герман Непомнящий, Аркадий Острицкий, Лилия Шошан, Григорий Фирер, Илья

Хинич. Организатор проекта и даритель работ Вениамина Клецеля, Любоми Минкович - доктор филологических наук Галина Подольская (Израиль).

К земле праотцев устремлен голос скрипки в руках юного музыканта на полотне **Анатолия Метлы** - по сути скрипача на крыше, без образа которого ныне невозможно представить Шолом-Алейхема. К концу XIX века 97% евреев в местечках обширной Российской империи общались на идиш - языке, звучавшем от мала до велика из уст в уста, подобно скрипке, объединявшей потомков Авраама.

В автобиографическом романе "С ярмарки", который Шолом-Алейхем не успел завершить, есть обращение к читателю: "Я вложил в него (в роман) самое ценное, что у меня есть, - сердце свое. Читайте время от времени эту книгу. Быть может, она... научит, как любить наш народ и ценить сокровища его духа". Слова духовного завещания Шолом-Алейхема услышаны и творчески восприняты художниками нашего времени.

Заколдованный портной и мальчик Мотл. Удивительное племя - евреи. Рассыпано это племя во времени и пространстве, но не потеряло себя, а лишь закалилось и стало крепче. В свою новую страну они принесли кусочек культуры своей страны, как краеугольный камень своего дома на Земле Обетованной.

Работы израильского мастера **Иосифа Капеляна** отражают одну из лучших страниц истории советской иллюстрации XX века. Вошедшие в коллекцию черно-белые и цветные гравюры Иосифа Капеляна - это иллюстрации к повести Шолом-Алейхема "Заколдованный портной" и станковая печатная графика по мотивам произведений "Мальчик Мотл", "Песнь песней", "Менахем-Мендл" и обобщающая гравюра-аллюзия "Местечко". Это первые оттиски гравюр (А.Р.), созданных им в Минске в период с 1962 по 1974 гг. В течение этой временной вики И.Капелян успел окончить факультет графики Минского театрально-художественного института, получить опыт работы по специальности в Музее Отечественной войны, в республиканской газете, в кинотеатре и в издательстве. Все это развивало аналитические способности к воплощению сюжетности и содержательной сути образа.

Непосредственный интерес И.Капеляна к произведениям Шолом-Алейхема приходится на студенческие годы художника и связан с изданием собрания сочинений Шолом-Алейхема в СССР. Шолом-Алейхем открыл молодому человеку стихию местечка как объекта для создания художественного образа. Парадоксы еврейского Марка Твена захватили. Так в 1964 г. появился на свет цикл из пяти иллюстраций к рассказу Шолом-Алейхема "Заколдованный портной". Безыскусная история о том, как бедняк, купивший на последние гроши козу, стал жертвой обмана своего же родственника...

Среди работ в коллекции есть иллюстрации, выполненные И.Капеляном как станковая графика по мотивам повестей классика, о чем можно судить по формату, не характерному для книжных изданий в СССР. Работы создавались в разные годы, но со временем сложились в цикл "Читая Шолом-Алейхема".

Среди них линогравюра студенческих лет "Мальчик Мотл" (1962) и близкая ей по стилистике гравюра на картоне "Местечко" (1969), созданная семью годами позже. Мир, поданный через призму воспоминаний ребенка, подсказывает художнику трогательную интонацию. Покидая проданный с торгов дом, все плачут, а Мотлу радостно сидеть на телеге, нагруженной вещами. Он больше грустит о теленке, с которым любил играть, но его зарезали. Он еще не знает, что такое погром ("Местечко").

1970-е гг. - пик популярности голливудского мюзикла "Скрипач на крыше", облетевшего все республики СССР. Зрелищность фильма художественно всколыхнула и национальное самосознание многих евреев СССР. И. Капелян в этой связи - не исключение. Линогравюры "Менахем-Мендл" и "Сироты" из серии "Литературные герои Шолом-Алейхема" были созданы художником в 1974 г. как станковые иллюстрации. Жизнь евреев полна печали. Работа "Сироты" эмоционально продолжает начатую тему. Цветные линогравюры к "Песни песней" (1967) из той же серии сочетают высокую печаль "Песни песней" и переполняющий мир радостью жизни "Фрейлехс". Так хочется, чтобы "евреи и все люди на земле больше смеялись, нежели плакали. Смеяться полезно. Врачи советуют смеяться!"

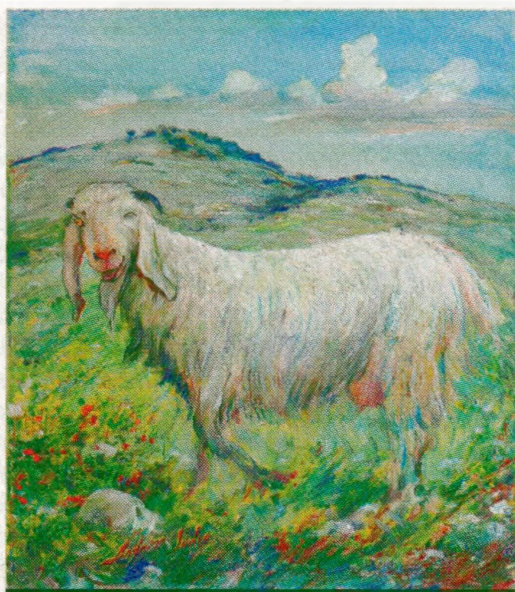

В стиле и по мотивам **Шолом-Алейхема**. Местечко то было маленькое, да удаленное - "одно из тех, о которых говорят: погуще бы их сеяли, да пореже бы они всходили". Водоворот созданных Шолом-Алейхемом художественных образов оказался настолько густотертым, что и сейчас, когда местечко как таковое уже кануло в Лету, кажется, что его персонажи живы. Эстетика корневой культуры, идущей от традиций национального бытия, не утратила своего обаяния для современных художников. Полюбившиеся с детства типажи и ныне остаются объектом творчества для представителей смежных искусств.

"Каждое существо - от человека, скажем, и до коровы - должно свой хлеб зарабатывать, даром ничего не дается!" В работах **Андрея Жудро** и **Вениамина Клецеля** животные похожи на подвыпивших героев местечка. Экспрессионистский "Козлик" напоминает повидавшего виды парня, которому лучше многих известны козы по чужим огородам! Ой, ребятушки, "не зря моя мама говорит: "Кто сам не догадается, того в бок толкают". Из этих же "огородов" и улыбчивая коза с розовым носом, оранжевым глазом и маками воспоминаний под копытцами. Вот такая антропоморфная парочка в бестиарии, обитатели которого как раз и соединили черты "от человека до коровы!"

По работе **Аркадия Острицкого** нет никакого сомнения, что "лучше свой сапожник, нежели чужой раввин". Его башмачник словно приговаривает: "Сиди дома, сапоги целее будут!"

Аромат слова и стиля Шолом-Алейхема ныне стал частью нашей культуры речи, влетев в сознание, как фольклор, и оставшись "послевкусием" в словесных оборотах. "Нежели так ехать, лучше пешком ходить", - вот и мы продолжаем свой путь по коллекции. Тут вам и "Лодочка" **Бориса Геймана** наготове и букет цветов от **Любови Минкович**. Он останется в твоей памяти до осени жизни, когда у тебя еще много дел на завтра. Но путь земной, он так внезапен, как осень жизни, которую вдруг ощущаешь по дыханию вечера в парке, запечатленного **Аркадием Лившицем**. Ты еще помнишь, как брэнчали невпопад нескладные музыканты. Это было на твоей свадьбе, но весной любви все были пьяны от счастья... А музыканты, они уже играют на чужой свадьбе и цепляют за струны твоей души знакомым мотивом. И очертя голову ты ныряешь в свои воспоминания, как в жанровую сценку на холсте **Ильи Хинича**. И ты помнишь башмачника, кото-

Андрея Жудро. "Коза"

Иосиф Капелян. Из серии "Заколдованный портной"

Лилия Шошан. "Иерусалим"

рый сшил невесте на свадьбу туфли (ах, какие это были туфельки!) - с золотыми пряжками...

И теперь уже в новом городе - в средиземноморском Тель-Авиве - в самих очертаниях незнакомых тебе людей, ты уже видишь всех тех, кто в прошлой жизни казался тебе нелепым, несуразным, вздорным, от кого ты бежал в Новую Палестину. Но перед тобой так и стоят типажи, ставшие классикой на все времена. Ты встречаешь их даже в городе, где почти не разговаривают на идиш, хотя с 1966 года здесь есть "Бейт Шолом-Алейхем".

Герои Шолом-Алейхема словно перешли в мир вокруг нас - мир, в котором все смешалось - и внуки с бутылочками, и сами с собачками, и солнце, и дождь... Вот это мгновение и схватили **Анатолий Финкель** и **Борис Котляр**. И в молодых людях с мобильниками, хотдогами и сэндвичами, как в тенистом парке на полотне **Вячеслава Ильева**, ты узнаешь лица тех, кто был тебе дорог, и в сердце щемит твоя "Песнь Песней".

А в святом Иерусалиме, о котором столько мечтали герои Шолом-Алейхема, идут к Котелю твои внуки. И сверкает Иерусалим Великолепный весь в сине-розо-

во-фиолетовых красках заката. И крыши домов, как алые кипы. И люди светятся. И дети радостны. И пальмы Израиля сияют, как в золоте славянской осени...

Опалены солнцем холмы Масличной горы. Мельница Монтефиори, словно вышита в розовом мареве на гобелене. Такой он, Иерусалаим в живописи **Анатолия Метлы**, **Лилии Шошан**, **Григория Фирера**.

А потом камни святого города переходят в марево пейзажей **Рут Гроссман**, **Германа Непомнящего**, **Маргариты Левин**. Они, как в "Песни песней" Шолом-Алейхема, когда мир природы звучит левантской мелодией. И ты идешь по своей земле так, будто со времен Ревекки и Исаака ничего не изменилось, разве что обрело измерение бессмертной агады, как на миниатюре Виктора Бриндача.

Износились сапоги жизни. Потускнели золотые пряжки вместе с золотом гаснущей листы... Жизнь... Мы бежим от себя. Мы мчимся, не оглядываясь. Потом идем, примеряем шаг и взбираемся, поднимаемся, восходим... И возвращаемся к себе... А потом вдруг начинаем грезить о юности...

Мы в Израиле. Замкнулся круг бытия. И для нас землей обретенной стал Израиль. А ведь для героев Шолом-Алейхема все было не так. Вспомним мудреца Тевье: "Я ведь еще не рассказал вам о Палестине. Что там слышно, хотите вы знать, дорогой друг? Страна хорошая, что и говорить! Земля, текущая млеком и медом", - говорится у нас в священном писании. Беда только, что Палестина - в Палестине, а я, как видите, все еще здесь...! Но сюда уже устремлялись блуждающие звезды рассыпанной по миру диаспоры.

"Главное - упование! Надо жить надеждой, только надеждой! А ежели до поры до времени приходится горе мыкать, так на то же мы и евреи на белом свете, как говорится, избранный народ... Недаром нам весь мир завидует", - говорил Тевье из Анатовки, вручая ниточку своей судьбы писателю, которому было суждено млеком и медом художественного слова собрать блуждающие звезды в пучок света...

Не столь уж важно, что никто из героев Шолом-Алейхема так и не дошел до "Палестины в Палестине". Они хранили традиции своего народа и в Йом-Кипур нараспев торжественно произносили: "Бэшана а-баа би-йеруша-

ла-им...". Иерусалим - город великого Храма в далеком прошлом - этот город был в них, подобно внутреннему слуху скрипача на полотне **Анны Зарницкой**. Иерусалим, он открывался перед глазами всякий раз, лишь начинал трепетать смычок музыканта, выводящего знакомый мотив. Рыдала скрипка, и люди рыдали так, как если бы во сне все они вдруг перенеслись к Божественной Стене Плача, что была и есть символ присутствия Всевышнего в нашем мире. Голос скрипки, как молитва, возносился к небу, и развевались талиты.

Открыта Пятикнижия
страница...

Сияет огнедышащий гранат -
Пылает -

И Закон еврейский длится,
Как обрезанья праведный обряд,
Как строй высокий музыки.

Этерна

Нас очищает от неверья скверны.

Мы живы -

Коль закон еврейский длится.

Живей живых мы стали

во сто крат.

Священна Пятикнижия страница,
И заповеди все хранит гранат.

Стихи автора

На небосводе диаспоры. Составленная коллекция отражает направленность музея. Значительная ее часть представляет иллюстрации к произведениям писателя, созданные в период "многотиражного Шолом-Алейхема" в СССР в 1960-1970-е гг. По воле судьбы эти линогравюры оказались в Израиле. Казалось бы, история не знает сослагательного склонения. Но блуждающие звезды движутся по своим законам. Проект способствовал полному фондов музея Шолом-Алейхема произведениями наших современников. Они сумели в смежном виде искусства запечатлеть духовный посыл героев Шолом-Алейхема - образ "Палестины в Палестине" - образ Земли Израиля.

"Перемена места - перемена счастья", - утверждал Шолом-Алейхем в "Блуждающих звездах". Израиль нас объединяет. Вот так на картине Александры Ильевой правнучка Тевье - темноволосая девчушка с сияющими глазами-звездами - бежит, счастливая, по земле двенадцати колен Израилевых, по холмам и просторам, среди коз и овец! В ее руках - игрушечный аэроплан. И она запускает малыш-самолет, как смелую сильную птицу, навстречу блуждающим звездам - тем, что еще не долетели сюда, но благобно сияют на небосводе диаспоры.

Шалом, Шолом-Алейхем! И мир всем нам!

Окончание. Начало на стр. 1

слезливости... Вот достаточно грустное, если не сказать, с трагической окраской, стихотворение, но одна-две строчки как мановение легкого пера снимает этот трагизм: "Всю ночь я плакала, Творец вселенной, Может, есть смерть, в которой нет насилия, Смерть, на цветок похожая. Всю ночь я молила: Если даже прах я, Да будет во мне покой, Чтоб на небо смотреть Еще и еще и еще, Расставаясь с его красотой... Всю ночь я думала: Многие твари живут В груди моей, полной боли, и рассказы разные. Нужно зажечь свечу И на них посмотреть, Пока не уснула сном смерти" (пер. Ф.Гурфинкель). Но мне она будто шепнула: в моей душе живут рассказы, они и о смерти, но и о красоте мира, сейчас зажгу свечку и выпущу их на волю...

По материнской линии Зельда происходила из семейства Хен (на идише произносили Хэйн, по смыслу - обаяние). Корни ее генеалогического древа уходят в Барселону, в Испанию XI века. После изгнания евреев из Испании в 1492 году семья Хен поселилась на острове Крит, затем скиталась по Европе. Отшумели столетия, и вот уже прадед Зельды, рабби Альхонен (Альханан), семи лет от роду, прибывает по обычному для ашкеназов пути - из Германии в Россию, чтобы учиться у одного из основателей хасидизма Шнеура Залмана из Ляд, который, в свою очередь, являлся прадедом Зельды со стороны отца. Так была основана завязь семьи Зельды - между семьей Хен и семьей Шнеерсона, адмора из Хабада (адмор - от "адонейну морейну ве-рабейну" - господин, учитель и наставник наш).

Дед Зельды - рабби Хаим Довид Цви Гирш - а коротко А-Радац, дожил до 1926 года и был раввином в Чернигове. Зельда росла в его доме с четырехлетнего возраста. Ни братьев, ни сестер у нее не было.

Пространное это вступление кажется мне необходимым, как ключ к пониманию личности и духовного мира Зельды, на которую именно дед А-Радац оказал самое большое влияние, впрочем, как и на весь уклад дома и жизнь его обитателей. Говорят, даже улыбка у них была схожа - у деда и внучки - мягкая, грустная и чуть ироничная. И отношение к славе земной. Для убедительности - такая зарисовка.

В 1918 году в Чернигов прибыл русский художник. Он искал модель для портрета идеально типичного еврея. После долгих поисков он увидел А-Радаца и воскликнул: "Кто этот святой отец?". И стал добиваться у родных похлопотать перед почтенным старцем - тому было уже 68 лет - позировать ему. Но никто из приближенных даже не заикнулся рабби об этой просьбе, ибо все знали, что он не удостоит их ответа, так, улыбнется иронично и погрузится в свои дела. Позировать - от слова поза... Поза была чужда А-Радацу, чужда она была и Зельде. И человеку и поэту. Отрешиться, бежать от всего материального, брэнного, а когда пришла слава, то и от нее тоже... Получив все основные литературные премии в Израиле, Зельда не без иронии сказала: "Похоже, собираются сделать из меня кинозвезду...". "Дни горящие, летящие, Когда я бе-

Зельда в молодости

жала от привязанности к вещам, Когда думала - Блеск вещей, Утонченность манер, Избыток учености и почета Заставляют забыть вкус небес...". Бежала от привязанности к вещам, но умела - все, было в ко-

ло. Бабушка Зельды славилась огромным числом разновеликих кастрюль: гостей, а часто и незнакомых людей был полон дом, и она обходила всех, спрашивая, что он ест и чего ему нельзя, и так готовила на всех и на каждого в отдельности. Но это был мир замкнутого пространства. Зельда с детства свое пространство расширяла. Очень много читала, и не только религиозную литературу, но и мировую классику, всю жизнь рисовала, легко общалась с людьми разных социальных и даже национальных слоев общества. Не всякий поэт или художник тесно связан со временем, в котором он живет. Впитав определенные впечатления в месте и среде рождения, многие создают себя как бы заново позднее, в столкновении с новыми реалиями, не бывшими прежде. Ей хотелось учиться в "Бецалеле", художественном институте (какой нонсенс в еврейской религиозной семье!), но надо было зарабатывать на пропитание (существует письмо от Любавичского ребе, где он предлагает финансовую помощь своей кухне, ответные письма Зельды пока не опубликованы, но, скорее всего, Зельда отказалась, а сама с огромным трудом, еще до педагогической деятельности, нашла временную работу - зарабатывала побелкой, покраской... А потом... Отдала место работы какому-то мужчине, которому не на что было содержать семью. Многие, как в биографии Зельды, так и в творчестве, и странно и нестандартно. К примеру, отношение с ее боготворимой матерью, как я знала по стихам.

В 2014 году, к 100-летию поэтессы, вышел сборник "Зельда. Ципор ахузат кесэм" - "Зельда. Птица очарованная", на иврите, там и проза и разные дневниковые записи. В интернете на русском языке я не нашла даже упоминания об этой книге. Вот несколько отрывков из нее:

"Толстый нищий, фигурой как те, кого мы называем "уважаемыми", стоял в нашем коридоре с протянутой рукой, не произнося ни слова. Однажды явился, когда мама ушла в больницу "Хадасса" и пропала на шесть или семь часов. Я глаза проплакала в тревоге за нее, не зная, где ее искать. Тут входит этот нищий и спрашивает, отчего я плачу. Рассказываю, что случилось, и он начал меня успокаивать. С той поры стал заходить - поговорить, выпить чаю или кофе. Мама часами, с невероятным терпением, выслушивала его

жалобы на жизнь. Было в ней какое-то особое уважение к этому бедолаге".

Были у матери и другие нищие прихожане, более молодые. Рассказав об одном горемыке, которого мать привечала и подкармливала, Зельда как будто между прочим, легко бросает: "К нему у матери было сверхчеловеческое терпение, не то, что ко мне...". Это заключение неожиданно полоснуло по сердцу.

И еще одно удивительное признание об отношениях с матерью:

"Я хочу нарисовать глазурию ауру совершенства вокруг ее головы и дел ее. Мы обе любили пятничный вечер, канун субботы (по отношению к другим вещам - к знакомым, вообще, к людям - наши мнения почти всегда расходятся). Мама повязывала голову серой шелковой косынкой и надевала бриллиантовую брошь, рассыпавшую радужные искры старинной роскоши и славы. После благословения на шабатные свечи мы целовали друг друга, один поцелуй - это был наш личный ритуал, знак перемирия, потому что мы многое видели по-разному, что вызывало непонимание и споры, но наступала пятница - и вот он - поцелуй радости, поцелуй субботы".

Да, Зельда вышла из привычного патриархального мира, чтобы учиться, впитывать многообразие знаний, а затем преподавать, передавать дальше. Писал же Амос Оз, ее ученик, что она была необычной и необыкновенной - и в том, как говорила, и что говорила, открывая перед школьниками иврит, как неведомый им новый мир, вселяя в них новое мироощущение, миропонимание.

С одной стороны, взросление и формирование характера Зельды происходило в полном соответствии с требованиями души, но, с другой стороны, порою и конфликте со своей средой. Будучи глубоко религиозной, она не чуралась общения ни с кем - дружила с кибуцниками, общалась с арабами, в доме своем принимала всякого, повторяя "чужими мы были в земле Египетской", как будто это ей лично было несладко на чужих хлебах... Желая объяснить, что если у греков и римлян законы о чужеземцах отличались враждебностью, то в нашем учении они носят характер благожелательный: "Пришельца не притесняй". Даже по отношению к врагу нужно милосердие. "Если застанешь быка врага твоего или осла его заблудившимся, должен ты возвратить его ему... Если увидишь осла врага твоего лежащим под ношею своею, то не оставляй его: развьючь вместе с ним" (Шемот - Исход, 23:4-5) - так говорила Зельда, цитируя ТАНАХ, впрочем, не навязывая никому истин, а только любясь ими и живя по ним.

Ученица Зельды в гимназии "Бейт-Хана" в Иерусалиме Даля Бен-Давид вспоминала: "Я пришла к ней после смерти моей матери в страдании и печали. Зельда искала что-то в шкафу, а я говорила, что не справлюсь с горем, что не могу отделаться от мыслей о смерти. И тут она, не оборачиваясь даже, произнесла, просто и буднично: "Так ведь и мы к ним придем..." - "Это утешение?" - спросила Даля. "Да - в этом утешение..."

"Я стояла В Иерусалиме, Висящем на облаке, На кладбище С плачущими людьми, Кривым деревом. Очертания гор неясные И башня. Вас ведь нет! - Говорила нам смерть. Тебя ведь нет! - Она обращалась ко мне. Я стояла В Иерусалиме, Расчерченном солнцем. С улыбкой невесты В поле У тонкой зеленой травы. Почему ты боялась меня вчера под дождем? - говорила мне смерть. - Разве я не сестра тебе, Тихая, старшая... (пер. Ф.Гурфинкель).

Зельда стихами меньше поучает, больше подсказывает, а вот жизнью, поступками, учила. Той же ученице холодным иерусалимским вечером она дала в обратную дорогу жакет, коричневый, коньячного оттенка. Когда та пришла вернуть его, Зельда обняла ее за плечи: "Жакет тебе к лицу - он высвечивает золото из твоих карих глаз..."

Дедовское проявлялось всю жизнь - говорили, что после ухода гостей в доме не досчитались серебряной табакерки. Дед успокоил всех, сказав, что сам выбросил ее, и перестали искать, поняв намек - всем известно было: кто берет вещь, выброшенную хозяином, не будет обвинен в воровстве. Лучше потерять, чем обвинить... А когда бабушка, в великом волнении, стала искать другую пропажу - жемчужное ожерелье, дед признался, что отдал его на покупку лекарств для бедной женщины. Бабушка успокоилась и произнесла: "Даст Б-г, за это родятся у нас дети, которые станут прилежно изучать Тору". - "Это уж ты слишком, - заметил дед, - плата за благое дело - само благое дело".

Когда мать Зельды вторично вышла замуж, они переехали в Хайфу, на Кармель. Позднее Зельда вернулась в Иерусалим, и мать приехала к ней. Во время Войны за Независимость, когда город был в осаде, и не было ни еды, ни воды, а над головой свистели пули, все соседи вместе с детьми спускались в квартиру Зельды, вниз, и проводили там целые дни... Мать Зельды была ниже ростом, но какой-то царственной осанки и походки. И поведения ровного и строгого - как и подбало дочери рабби А-Радаца... Там, в Иерусалиме, на улице Цфанья, 31, ухаживала Зельда за больной матерью до ее последнего вздоха. "В той комнате, залитой солнцем, Я стояла Так близко к ней, Что рот мой касался ее лица, Измененного смертными муками. Произнесла она мое имя Голосом, Ночевавшим на дне морском, Голосом далеким и тусклым, Разбившим вдребезги зеркала Серебряные. Произнесли мое имя Губы ее в дыму" (пер. Ф.Гурфинкель).

Говорят, странная привычка была у Зельды - напишет стихотворение и, не переписывая, отправит кому-нибудь из друзей или подруг... А копии не остается. Так именно друзья и собрали ее первый сборник. А может она вела она себя так из-за матери, ради матери... Боялась за детей ее публичным вниманием...

Зато у мужа, Хаима Мишковского, тоже религиозного человека, Зельда нашла всяческую поддержку. Друзья называли его не Хаим, а "ХаИм-аруким", с ударением на И - "долгая жизнь", ибо был он очень высокого роста. Поженились они в 1950 году. Ей было 36 лет. Детей у них не

было. До смерти матери они жили втроем, дружно. Вскоре после свадьбы он заболел воспалением легких, и в течение всех двадцати лет совместной жизни Зельда берегла его, была внимательна, ухаживала за ним, а в 1971 году его не стало. По свидетельству близких друзей, она тогда единственный раз в жизни кричала. Не плакала, а кричала. Они, бывало, беседовали часами, муж любил кино, книги, обладал чувством юмора, все собирался научить Зельду плавать, а при гостях, когда Зельда уходила на кухню, читал им ее стихи... Они прочитывали до шести книг в неделю, их любимым досугом было сочинять - вместе - сказки. "Когда ты был здесь, И твой карий взгляд защищал меня, И наши мысли касались Вдруг Крылом крыла... Когда ты был со мной Среди дел преходящих, Были стены друзьями старыми, Что поведали нам древние легенды Вечером, Когда мы пили чай. Стены теперь не убежище, Они замкнулись в своем молчании И не обратят внимание, когда я упаду. Стена теперь - просто известь, цемент, Основа чужая, Нечто безответственное, как смерть" (пер.Ф.Гурфинкель).

После его ухода Зельда приняла на квартиру девушку, помогала ей в учебе, заботилась о ней, стала ей и сестрой, и матерью, и подругой... Когда та вышла замуж, на смену ей пришла другая, третья... Их семьи стали ее семьей. И семья Зельды росла год от года... Нет, она не казалась одинокой. Очень многим стала дорогим, родным человеком. Даже пела... Да, когда оставалась наедине с детьми, но только наедине с ними, она им тихонечко пела. Одна девочка сказала ей: "Зельда, когда ты поешь, твой голос цвета золотого..." Тоже, наверное, стихи теперь пишет...

Много Зельда страдала или мало, никто не говорит и не скажет. В стихах душа ее воссоздает какие-то небесные видения, созидает свои миры, иногда нам передается ощущение трепета, с которым она делится. Иногда это праздник красок, которому она дала состояться. Мы уже говорили, что она хорошо и много рисовала, а в юности хотела стать художницей. То отдавалась гармонии звуков и красок, то могла с горькой болью произнести: "Оголены теперь корни мои, и люди на них наступают". Порой душе удается уйти от страданий, а иногда - не очень. А бывало, задаст загадку и уйдет, не печалась, разгадают ее или нет... "Дикий диалог Между женщиной, ввергнутой в страдание, И солнцем с высот На нежном, трепетном языке Лучей, С тайной красок радуги. А когда она закрывает глаза, Внезапно На нее наступает волна цвета крови И покрывает павлиньи перья, что рисовал воздух. Когда глаза утомленные закрывает она, Поглощает темное море Мир" (пер.Ф.Гурфинкель).

Это можно нарисовать. А писать стихи так, как если бы это были рассказы, кажется мне осознанной целью в системе поэтики Зельды. Переводили ее Фрида Гурфинкель, Савелий Гринберг, Александр Воловик, Голда Липш. Но в интернете довелось мне найти и несколько ранее неизвестных мне хороших переводов Зои Копельман и Елены Тамаркиной.

Зельда в своем доме в Иерусалиме

Приведу только один пример, просто стихотворение короткое (пер. Елены Тамаркиной): "Спрятал ты от меня душу, / и смолк во мне голос реки полноводной, / выходящей из берегов. / Оборвалась мелодия жизни, и встану я, пристыженная, / без солнца, / без луны / и без свечи. / Спрятал ты от меня душу, / И высохнет хлеб на столе / И заплесневет". Маленькое замечание: будь я редактором, вместо слова "пристыженная" предложила бы "наказанная" или даже "как наказанная": каждый после ухода дорогого человека винит себя в чем-то, Зельда - тоже, теперь и она как бы "наказана", живет, но "без солнца, без луны и без свечи". В целом же есть новые переводы и, на мой взгляд, удачные. Хочется, чтобы к творчеству Зельды обращались талантливые люди.

На фотографиях в зрелом и в почтенном уже возрасте у Зельды "проявилось" вдруг совершенно славянское лицо, в юности же, так рассказывают, она то укладывала свою толстую косу вокруг головы, то собирала волосы на затылке в тугий пучок, а глаза были черные, большие... А кто-то запомнил, что в старости глаза у нее стали серые...

Много писала о грани между жизнью и смертью... Помните: "Может быть смерть, в которой нет насилия, смерть, на цветок похожая?" И мечта и надежда: "Да будет во мне покой, чтоб на небо смотреть еще, и еще, и еще, расставаясь с его красотой..."

"Небеса невозможно попробовать, - сказал поэт Йотам Реувени, - то есть я не могу их попробовать. Зельда - может..."

Все вокруг нее - видимое и невидимое - как-то естественно переливалось в сти-

хи-рассказы. Например, о деревьях: "Не все деревья Я люблю одинаково. Душой сроднилась я с грушевым деревом. Больным. Все движется, Меняет место. Я и оно - мы посажены в этом дворе Который застрял в космосе..."

Ничего тут вроде и нет. Кроме какого-то странного, летучего, неуловимого обаяния. Но если вдуматься, в этих строках - поэма об одиноком человеке, о его характере, мирозерцании, мироощущении, о любви, жалости, доброте... Или: "Миндальные деревья, стоявшие в молитве на Хевронской дороге, расцвели мне душу". Где начинается стих и где - просто фраза, сказанная первым после поездки в Хеврон гостю? Эта ее свобода и слова и мысли привлекали к ней читателей ее стихов, тех, кто нечаянно открыл для себя близкого душой человека, причем, людей самых разных. Вот с кем хотелось поговорить, вот кто и тебя поймет!

Но Зельда не всегда гладила по головке, ее реакция могла быть самой неожиданной. Кто-то посетовал на плохое отношение к животным и, в частности, к собакам. Зельда отреагировала по-своему: но ведь очень многие дети боятся собак! Ведь и так можно подойти к этой проблеме. Не стандартна - ни в жизни, ни в письме. "Маленькие шелковые листики вернулись из небытия на сухое дерево, и сердце мое раскрылось". (Может, она знала японскую поэзию? Басе? "Чтоб холодный вихрь ароматом напоить, опять раскрылись поздней осенью цветы").

Умерла Зельда 29 апреля 1984 года. Большинству провожавших ее известно было, что по еврейской традиции в тот день не принято читать надгробные речи. И все же у могилы ее говорили и прибли-

женные к Любавичскому ребе раввины, и писатели, и люди, которым она просто помогла в жизни... Было много друзей - кибуцников. Верующие и неверующие... Зельда умела объединить всех - мир религиозных традиций и мир, называемый светским...

После Шестидневной войны, радуясь освобождению и объединению Иерусалима, она не сразу решила бежать к Стене Плача, как это делали все, а пошла сначала к соседу, раву Козну, посмотреть на камешек, принесенный им с площади у Стены Плача, потрогать его. Ее волновали тайна жизни и загадка смерти, вечная борьба добра и зла, улыбка ребенка, мир в радуге красок, звуки птичьего гомона. Она знала названия множества птиц. Не любила цифры, любила буквы. К ней влекло и богатых и бедных, и здоровых и больных, она понимала глухих и немых, и они ее понимали. Где сегодня такие люди? Мои глаза заполнены слезами? Да, потому что на экране я снова наблюдаю волнующую церемонию, проводимую в кнессете с 1989 года, название которой "Ле-холь иш еш шем": на экране читают вслух имена людей, погибших в Катастрофе. Строка, одна строка, но она набрала ток, силу и обрела великий смысл: восстановить имя человека, одного из шести миллионов, и еще одного, и еще. Эти имена хотели уничтожить, заменив его номером, цифры вместо имени, мы же возвращаем имя. Так из наивного и простого вырастает высокое. Вечная память! Название церемонии подарила нам она, поэтесса, любившая мир. Птица очарованная - это тоже образ из ее стихов. У каждого человека есть имя. Ее имя было Зельда.

Юрий **МООР-МУРАДОВ****КОЧУЮЩЕЕ КЛАДБИЩЕ**

Рассказ по древнему бродячему сюжету

Рано утром в пятницу Давида Сютину, помощника министра внутренних дел Шломо Беэри, разбудил звонок. Это был босс.

- Срочно ко мне! Я в конторе.

Министр, любящий понежиться в постели, в пятницу, в шесть утра - на работе! Это действительно срочно.

Давид очертя голову бросился в правительственный комплекс. Не завтракая (в такую рань никакой завтрак не полезет в горло), не бреясь и не купаясь - успеется! Должно быть, произошло что-то из ряда вон выходящее, если министр не сообщением ему написал, а позвонил лично.

Давид взбежал на второй этаж. Дверь в кабинет министра была приоткрыта.

- Ты должен срочно ехать в Шахар! - ошарашил его шеф, даже не поздоровавшись.

- Опять? Что еще там случилось?

- Все та же история.

- Но ведь я все уладил на прошлой неделе! Все были довольны!

Давид был горд тем, что неделю назад сумел быстро найти компромиссное решение для сложнейшего конфликта, возникшего в поселении Шахар. У живущей там уже пятнадцать лет репатриантки Елены Горовской погиб в перестрелке с террористами проходивший срочную службу в ЦАХАЛ сын Александр. Герою посмертно присвоили звание старшего сержанта, матери вручили его медаль за отвагу. А с похоронами - загвоздка. Несколько особо блюдущих веру жителей поселения усомнились в еврействе героя: мать не смогла предъявить необходимого документа. В суматохе убитая горем женщина не обратила внимания, что могила сына оказалась за кладбищенским забором. Пришла туда на следующий день - и ужаснулась.

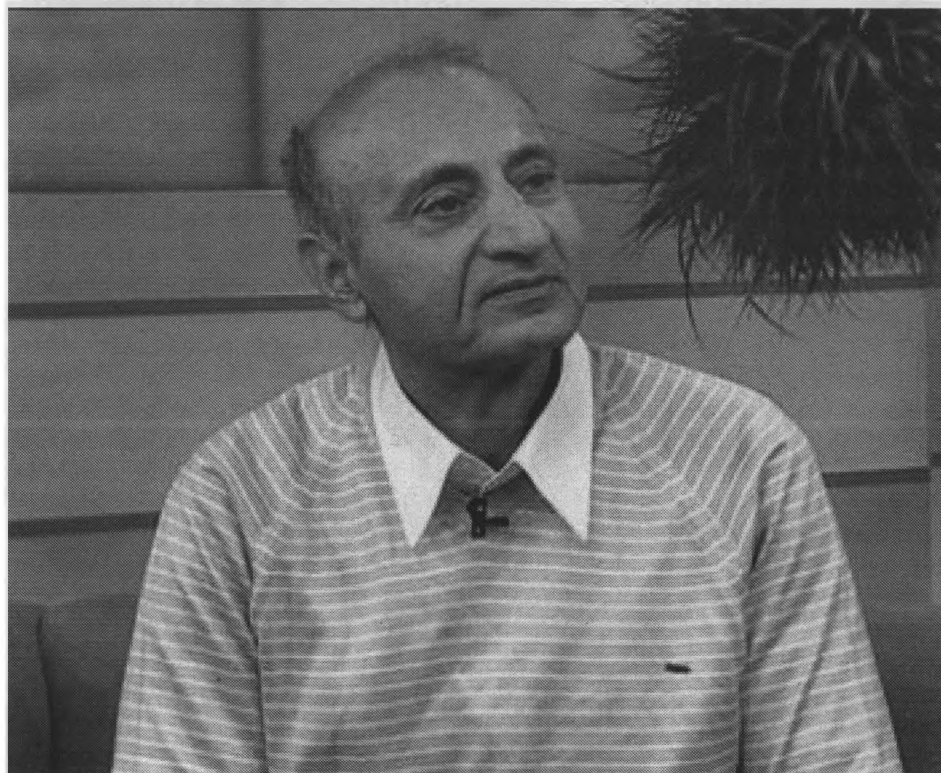
- Сашу похоронили как собаку! Хорошо - не бросили в канаву! - сказала она журналистам, пришедшим взять интервью у матери героя.

В воскресенье газеты вышли с огромными заголовками. Елена Горовская, мать Александра, клянется, что она еврейка и ее мать была еврейкой, что метрики не сохранились, но сейчас искать их в Черновцах, откуда родом Сашина бабушка, просто невозможно.

Группа "строго блюдущих" жителей поселения не уступает ни в какую: не позволим хоронить человека с сомнительным еврейством на еврейском кладбище, там лежат наши родители, это осквернение их памяти, это оскорбление наших религиозных чувств.

Экстренно созванный Совет поселения вынес решение передвинуть забор, чтобы могила Алекса оказалась в черте кладбища, но упертые мужчины, которые ранее вроде не были замечены в особом соблюдении всех религиозных установлений, не соглашались и на это.

Армия предложила перезахоронить солдата на другом кладбище -

мать ни за что: я хочу, чтобы его могила была рядом с домом.

Скандал разгорался благодаря стараниям охочих до таких историй журналистов. "Мракобесие", "Героя похоронили под забором".

Запросы "русских" депутатов, протесты общественных деятелей. Кресло под министром Беэри, ответственным среди прочего за кладбища и ритуальные услуги, закачалось. Эта история дала новый толчок заглошему было делу о взятке в шестьдесят тысяч, которую полиция давно и без большого успеха вела против него.

На этой стадии по указанию министра к делу подключился его помощник Давид - он единственный в министерстве знает немного русский.

Давид тут же засучил рукава, добился для героя места на горе Герцля в Иерусалиме. Но мать и на это не согласилась! Ну, репатриантка, не понимает, какая ей оказана честь. Люди готовы сейчас прямо умереть, если им посылат похоронить рядом с могилами отцов-основателей государства. А мать плачет беспрестанно: "Нет, я хочу возле моего дома. Я хочу каждый день ходить на кладбище. Саша был кошерным, чтобы погибнуть, а место на кладбище ему не хотят дать? Почему глумятся над его прахом?"

Неделю тема не сходила с первых страниц газет; ею начинали сводки новостей теле- и радиоканалы. Интернет-сайты обрушивали на читателей всевозможные варианты шокирующих заголовков на эту тему. Тогда Давид, вооруженный указанием шефа: использовать все рычаги-уговоры, давление, подкуп - самолично примчался в поселение Шахар. Он поговорил со всеми заинтересованными лицами и нашел великолепный компромисс. Кладбище находится в стороне от поселения, не-

давно по окраине Шахара прошло трансизраильское платное шоссе номер шесть, и погост оказался отрезанным, остался по другую сторону многополосной скоростной дороги. По требованию жителей построили подземный переезд под трассой. Если раньше до кладбища можно было дойти неспешно минут за пятнадцать, то теперь дорога туда занимает полчаса - нужно спуститься вдоль трассы до перехода в полукилометре от поселения, потом подняться обратно до кладбища.

Приехав в Шахар, Давид осмотрел все, и ему в голову пришла гениальная мысль. Что скажет убитая горем мать, если ее сына-героя перезахоронят - но не на кладбище, а на холме рядом с правлением? Возле конусообразной стелы, на которой высечены имена жителей Шахара, погибших в боях за родину за прошедшие со дня основания поселения полвека? Мать недолго поколебалась - и согласилась. В конечном счете, это намного ближе, не придется тащиться на другую сторону шумной трассы, к тому же место почетное и возвышенное.

Членов Совета Давид убедил, добившись у министра обещания выделить средства на ремонт местного клуба. И ревнителям веры нечего было возразить.

Но вот не прошло и недели - там опять бузят.

- Что у них стряслось? - спросил обескураженный помощник.

- Я не могу понять, - ответил министр раздраженно. - Мне сообщают, что кто-то там по ночам раскапывает могилы, переносит трупы... Ты же сказал, что все уладил! - набросился министр на помощника.

- Я и уладил!

- Езжай туда немедленно. Не возвращайся, пока все не устроится. Чтоб

ни одного недовольного. Если они действительно трупы выкапывают - свяжись с полицией. Пусть найдут преступников - и под суд! Решат все мирно - я выделю их поселению два миллиона из своего фонда.

- Но он для чрезвычайных ситуаций... - заикнулся было Давид.

- Это чрезвычайная ситуация! Ты когда уже поедешь?! - закричал Беэри.

Министр явно был в панике. Вслед выходящему из кабинета помощнику бросил:

- Если председатель Совета будет ставить тебе палки в колеса - пригрозь, что я отстраню его за провал работы. Я не хочу, чтобы в воскресенье к выходу газет эта история все еще была актуальной.

Спускаясь к стоянке, Давид позвонил жене:

- С детьми, покупки в супермаркете, уборка по дому - все сама, я еду по делам на Север.

Обещал вернуться до темноты.

Сел в свою "мазду", выехал на Первое шоссе, у Модиина свернул на шестую трассу и погнал машину на Север, кроя на чем свет стоит весь мир, чрезмерных ревнителей чистоты веры, министра, который всегда чикается с религиозными. Даже если все сегодня уладится - он заставит босса выгнать к черту председателя Совета. Хорошие дела! Вместо того чтобы провести выходной день с семьей, он должен мчаться туда и делать за него его работу.

Если честно, этот скандал вредил и самому Давиду: только вчера он говорил с боссом о свободной должности начальника отдела регистрации. Не урегулирует он эту кладбищенскую историю - с мечтой о назначении можно распрощаться. А если министра снимут, то он потеряет и место помощника.

В поселении улицы были пусты. В Совете сидела одна молодая секретарша, она сказала, что все мужчины - в синагоге. Странно. Утренняя молитва вроде бы уже закончилась...

Помощник заехал к матери солдата Елене Горовской: что еще тут произошло?

Горовская явно в состоянии шока.

- Я ничего не знаю. Я ничего не сделала, - бормочет.

С трудом удалось заставить ее выдать несколько связанных фраз. Услышанное поселило у Давида сомнения в ее здравом уме. Выходило, что прошлой ночью кто-то выкопал все могилы на кладбище - их около полусотни - и перенес на холм. Теперь они окружают захоронение ее сына.

- Зачем мне это? - лепетала женщина.

Давид решил, что она просто свихнулась, вернулся к правлению, оттуда

поднялся на холм. И застыл: свежую могилу солдата, на которой еще не было плиты, а только воткнутая фанерка с его именем и букет цветов, окружали аккуратные могилы с плитами.

Что за дела?

В прошлый приезд он поднимался сюда, кроме стелы с именами, двух оливковых деревьев и нескольких скамеек ничего больше здесь не было.

Давид бросил взгляд на запад, туда, где располагался погост. Он помнит, что ему были видны эти вот самые плиты. Тогда кладбище отсюда напоминало пасеку с ульями. Сейчас там не было никаких "ульев". Просто зеленая поляна.

Ясно, что это козни здешних ревнителей веры. Уж слишком быстро и без споров они согласились на предложение похоронить солдата у правления, близко к своим домам. Наверняка уже тогда что-то задумали. Но как они все обставили? Это же нужна целая рота: выкопать, перенести, заново установить плиты. Главное - нет никакого следа, что здесь копали: трава как будто все время здесь росла.

Давид обошел все плиты - их было около полусотни. Старые. Ощущение, словно вершина холма была кладбищем всегда. Свежая здесь только могила солдата. Все остальные надгробия окружала нетронутая трава. Давид копнул ботинком землю у одной старой могилы - не скажешь, что кто-то в последнее время орудовал здесь лопатой. Землю не тревожили, можно поклясться, что никто здесь недавно не копал.

Давид почувствовал холодок на спине. Несколько лет назад он отрастил бороду, многие считали это признаком его приближения к религии, но Давид как был, так и остался убежденным атеистом. Бороду же не бреет по причине весьма прозаичной: кожа на лице стала раздражительной, и после каждого бритья он буквально становится краснотлицым. Теперь, глядя на эти могилы, волшебным образом перекочевывавшие через всегда нагруженную автостраду, его вера в то, что все в этом мире имеет рациональное объяснение, впервые заколебалась.

Давид сбежал с холма, бегом отправился на другую сторону дороги.

Кладбищенский забор был на месте, но вместо кладбища - он видел, видел его в прошлый раз с холма! - обычное поле, заросшее травой. И опять же - никакого следа, что лопата недавно касалась этой земли.

Давид вернулся в правление. Секретарша собиралась уходить, уже взяла свою сумку.

- Я ухожу, - сказала она. - Мужчины вряд ли сегодня выйдут из синагоги. Считают, что наступил конец света.

Давид пересохшим от волнения голосом спросил:

- Пробовали копать? Под плитами действительно есть останки?

- Да. Они подняли одну плиту, увидели там кости и помчались в панике в синагогу.

Они вышли из здания. Давид набрал телефон министра, коротко рассказал, что здесь творится. Министр, как и следовало ожидать, ничего не понял, только прокричал:

- Я ничего не хочу знать! Не возвращайся, пока все там не уладишь! - и отключился.

Давид позвонил жене, сказал, что ему придется переночевать здесь.

- На вас лица нет, - сказала секретарша. - Пойдемте ко мне, я напою вас кофе.

Секретарша жила недалеко, они сидели на кухне. Ноа - так звали хозяйку - предложила выпить.

- Я должна успокоиться, - объяснила.

Давид согласился.

- Что-нибудь покрепче?

Давид кивнул.

Ноа достала бутылку початого виски. Давид пьет редко, а здесь опрокинул одна за другой несколько рюмок.

Ноа согрела в микроволновке курицу, которую готовила вчера, но Давиду кусок в горло не лез.

Пережитое потрясение, несколько рюмок виски на голодный желудок - все это было причиной того, что он не стал сопротивляться, когда хозяйка взяла его за руку и повела в спальню. Все время тревожившая его мозг мысль - удастся ли собрать членов правления в субботу? - забылась.

В спальне он все делал, как в полусне. Поэтому можно ли назвать изменой эту постель с молодой женщиной, если Давид ничего об этом не запомнил?

Проснулся он посреди ночи.

Нашел свою одежду на полу. Во всем теле - ощущение бодрости, голова была на удивление свежей, хотя обычно даже после бокала вина он страдает тяжким похмельем и по этой причине пьет весьма редко.

Давид вышел на улицу. Огромные звезды в небе - дома таких не увидишь. Кажется, можно потянуть руку и достать одну из них.

"Я с утра ничего не ел, по дороге в Шахар надыхался чего-то, у меня точно были галлюцинации, нет там никаких плит на холме", - сказал он себе.

Отправился к правлению - проверить. Поднялся на холм - нет, ему ничего не привиделось, плиты были здесь, по эту сторону автострады. Давид опять глянул через дорогу - ровная поляна на месте бывшего кладбища.

Он подошел к могиле солдата. Постоял. Поправил немного скосившуюся фанерку с именем. И вдруг у него возникла безумная идея.

Он вспомнил, что видел во дворе у Ноа садовый инвентарь. С тяпкой и с найденным там же большим полиэтиленовым мешком вернулся к могиле Алекса, разрыл ее, достал завернутое в саван тело, положил на мешок и потянул вниз с холма.

Через полчаса он оказался посередине бывшего кладбища. Той же тяпкой разрыл мягкую землю, положил

останки, забросал землей и воткнул фанерку с именем.

Давиду не хотелось идти к переходу - он решил перебежать трассу. Днем это очень опасно, но сейчас уже далеко за полночь, и машин почти нет. Он перелез через невысокое ограждение, посмотрел в обе стороны и побежал через полосы.

Вдруг справа с ревом вылетел на огромной скорости грузовик с ослепляющими фарами дальнего света, Давид не успел отскочить...

Проснулся Давид от того, что занемела правая рука. Он косил взгляд - на ней лежала темноволосая головка Ноа.

Женщина крепко спала. Давид осторожно высвободил руку, выскользнул из-под одеяла.

За окном было светло.

Давид вспомнил свой странный сон, в котором он выкапывает останки солдата... Чертыхнулся. Приснится же такое.

Тело ломило, будто его всю ночь колотили дубинками. Голова трещала. Это понятно - на столе пустая бутылка виски, а вчера в ней было больше половины.

Достал из холодильника пластиковый кувшин с водой, сделал несколько больших жадных глотков.

Нашел на полу посреди комнаты брюки и рубашку, натянул их, вышел на улицу. Вдохнул свежий воздух.

Какой же дурацкий ему приснился сон.

Сегодня суббота, удастся ли собрать членов Совета?

Решил прогуляться до холма, посмотреть еще раз на это чудо, которое сейчас ему все больше кажется преступным заговором.

Приблизившись к холму, он, к своему удивлению, не увидел на склоне могильных плит.

Может, вчера все это ему привиделось, и на вершине по-прежнему стоит одинокая могила солдата?

Тогда почему он вчера остался в поселении?

Наверху его ждал еще один сюрприз: не было там и могилы Саши. Стела с именами павших героев - на месте. И деревья. И скамейки. Могила нет.

Да что это творится?

Или он все еще спит? Ущипнуть себя? Дикость. Никогда он не верил, что ущипнув себя во сне, ты можешь проснуться - потому что и щипаешь тоже во сне, не по-настоящему.

Давид бросил взгляд на другую сторону трассы, по которой в обе стороны уже неслись тяжелые грузовики и юркие тендеры.

О, Боже! Вон же оно - кладбище! На месте. Никуда не перекочевывало!

Но куда делась могила солдата? Что он теперь скажет министру?

Можно представить, что напишут завтра газеты!

Ясно, что все это кочевание кладбища было прикрытием главного: убрать

из поселения могилу человека с сомнительным еврейством. И в результате именно он окажется крайним, во всем виноватым: почему предложил похоронить солдата на холме?

Черт.

Может, ему на всякий случай перестать упоминать черта?

Давид сбежал с холма и помчался на другую сторону трассы.

Вот забор - он и вчера здесь стоял.

Вот могилки.

Он уже узнает некоторые имена на плитах.

И опять - никакого следа того, что тут копали, что потревожили поросшую травой землю, - даже не стоит пинать ее ботинком.

Давид сделал несколько шагов вглубь кладбища - и снова застыл как вкопанный.

В самом центре, окруженная полусотней плит, выделялась заметным холмиком одна свежая могилка с дощечкой, на которой синим фломастером было выведено знакомое: "Алекс Горовский".

Давид растерянно оглянулся.

Это не может быть сном.

Значит, не было сном то, что произошло ночью? Выходит, он притащил сюда на полиэтиленовом мешке труп, выкопал могилу, уложил останки, присыпал землей и воткнул фанерку с именем!

Он точно помнит, что в том его "сне - не сне" не было здесь других могил! Полиэтилен с трупом в саване легко скользил по мокрой от росы траве...

Как все остальные могилы тоже оказались здесь? Он-то их не перетаскивал даже во сне.

Давид схватился за голову, сжал ее сильно. Почувствовал самую настоящую физическую боль.

У него мелькнула мысль: а чего он беспокоится? Ведь сейчас все в порядке: старые могилы на месте, солдат покоится в самом центре кладбища. У матери или у прессы не может быть претензий ни к нему, ни к министру. Если завтра - точнее, сегодня - кто-то снова тронет могилу солдата, так это уже уголовное дело, пусть им займется полиция.

Давид достал телефон, сделал несколько снимков - могилки солдата, кадры кладбища с разных сторон. Доказательство того, что все в норме.

Помчался обратно в поселение, впрыгнул в стоящую у правления "мазду" и дал газ. Сбежать. До того, как он встретит кого-то.

Дорога в субботний день почти пуста. Давид выжимал 150 километров в час. До дома оставалось еще около сотни километров. Он решил сделать остановку на заправке - выпить чашку кофе.

К тому же очень болело правое бедро.

Попросив приготовить кофе, Давид зашел в туалет.

Приспустил брюки и увидел ужасный синяк на бедре, происхождение которого он не может объяснить...

Ян ТОПОРОВСКИЙ

ЗАБЫТАЯ СЕНСАЦИЯ, ИЛИ ГДЕ ДЕТИ ТВОИ, ГОСПОДИ?

Доктор Конг-И-Лонг, дипломат, бывший посланник Китая в Вашингтоне, совершающий частную поездку с тайной миссией по Южной Америке, встретился 28 июня 1900 года в Буэнос-Айресе с представителями еврейской сионистской лиги "Д-р Теодор Герцль". Поводом послужила его статья ("La Nation", 25 июня 1900 года), в которой автор мимоходом сообщил о евреях, живущих в Китае, как равноправных гражданах страны, что для еврейской общины Аргентины, состоящей, в основном, из выходцев из черты оседлости Российской империи, было в диковинку. Упоминание о жизни евреев в Китае - выглядело подтверждением того, что китайцы отличаются веротерпимостью к иным религиям... (Поднебесную окутали смутные времена: дворцовый переворот, убийства миссионеров, Боксерское восстание...). Но в Европе считали, что причиной "кровавой смуты", во время которой произошли убийства христианских миссионеров, является не борьба за власть, или экономическая ситуация, а религиозная нетерпимость китайцев.

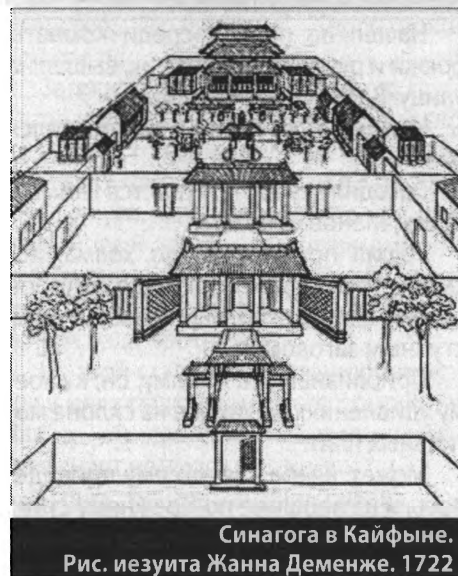
Дипломат Конг-И-Лонг (здесь и далее написание имен, названия городов, географические наименования даны по правилам правописания русского языка на 1900 год. - Я.Т.) в каждой стране, которую он посещал, публиковал статьи с разъяснением позиции своего правительства по внутренним и внешним проблемам. Это, по-видимому, и было целью его миссии: развенчание европейского мифа о нетерпимости в Поднебесной. Но строчка о китайских евреях, стала сенсацией и сионисты, члены лига "Д-р Теодор Герцль", добились аудиенции для целой делегации: Я.Ляховицкий, Л.Бергман, М.Гольденберг.

Возглавлял группу Яков Ляховицкий (1874-1937). Он был журналистом, основателем организации "Ховевей Цион" в Аргентине, а на момент встречи с китайским дипломатом - руководителем лиги "Д-р Теодор Герцль", в которой состояло около 200 членов. По тем временам - крупное и влиятельное объединение, которое вскоре было признано Всемирной сионистской организацией в качестве ее аргентинской секции. В 1900 году лига начала издавать свой печатный орган "Дер ционист" (на идиш, затем и на испанском), которую редактировал Ляховицкий. Его статьи были посвящены жизни еврейских эмигрантов в Аргентине. По данным переписи населения Аргентины за 1895 год, Яков Ляховицкий (Jakob Simon Liachovitzky) прибыл в страну из России (Гродненская губерния) в 1895 году, в возрасте 19 лет, со своей женой и братом Самуэлем (Simche).

Надо отметить, что встрече евреев-сионистов с китайским дипломатом поспособствовало рекомендательное письмо экс-президента Аргентины. Профессор Конг-И-Лонг согласился на аудиенцию, и она началась с того, что глава еврейской делегации выразил благодарность китайскому вельможе за до-

Обложка книги Я.Ляховицкого с его портретом.

Синагога в Кайфине. Рис. иезуита Жанна Деменже. 1722

брое отношение к евреям в Китае, о которых делегаты (до прочтения его статьи) ничего не знали. Хотя, если быть точными, в германской прессе проскакивала информация католического миссионера о том, что во время поездки в Китае ему встретились несколько еврейских семей. Но из статьи Конг-И-Лонга явствовало, что их больше, чем несколько!

В ответ они слышали, что дипломат лично знаком со многими гражданами Китая еврейской веры, более того, он знает их руководителей. (При слове "руководители" посетители переглянулись, ибо подобное возможно только в общине, а это уже десятки, а может и сотня человек).

Далее собеседник сообщил, что евреи прибыли в Поднебесную за два с половиной века до христианской эры. Китайцам их вера показалась созвучной учению Конфуция, и "правители страны наделили новоприбывших равными с

Китайские евреи у свитка Торы

местными гражданами правами и разрешили селиться в Го Нан, возле Кай Тонгу, и еще в пяти провинциях, расположенных у реки Янг Тсе".

(Здесь необходимо сделать важное пояснение: дипломат говорил по-китайски, переводчик переводил на испанский, а журналист Ляховицкий записывал сказанное на идиш. Отсюда и неточности - прохождение рассказа Конг-И-Лонга сквозь три языка, а в дальнейшем - на русский, порождает неточности в написании географических названий, именах людей и названиях городов. А потому попытаемся сконцентрироваться на сути аудиенции).

Оказалось, что в Пекинском университете, который закончил доктор Конг-И-Лонг, вместе с ним занималось много евреев, а обучавший его профессор Тьсенг Тсанг тоже был евреем. Есть евреи и среди сотрудников пекинской газеты, в китайской армии (некоторые дослужились до генералов), а также среди мандаринов (министр, чиновник, советник, а также человек, прошедший строгую процедуру экзаменов, обеспечивающих доступ в государственный аппарат и право занимать чиновничьи должности).

Китайские евреи, по утверждению собеседника, преданные стране граждане. Они и одеваются по-китайски, носят кошу, шелковое пальто... А иногда даже молятся на китайском, но это в особых случаях, обычно они возносят молитвы на непонятном для окружающих языке. В стране есть синагоги (например, в провинции Ганкин), которым более 600 лет.

Визитеры, бывшие подданные Российской империи были в шоке. Им в голову не приходило, что в соседней с Россией китайской империи живет большое количество евреев, причем не в

черте оседлости, к которой они привыкли...

А дипломат продолжал перечислять города: Амрой насчитывает 80000 жителей - в основном, евреев, город Нун-Ян-Нен - 500000 иудеев. Дипломат Конг-И-Лонг назвал приблизительное число живущих в Китае евреев, но более точную цифру пообещал назвать после того, как сверится со своими записями. Но слушателям это было уже и не так важно: бывший посланник Китая в Вашингтоне, поведал им информацию о китайских евреях, которая лишила присутствовавших дара речи: в Поднебесной 40 (а может, и 50) миллионов (!) евреев.

В это же время в Париже китайский генерал Чен-Ки-Тонг, сотрудник издания "Revue deux Mondes", чье имя упоминается в работе русского философа Владимира Соловьева "Китай и Европа" (1890), подтвердил существование иудеев в его стране: "Китайские евреи - это оригинальный исторический монумент, который насчитывает 2000 лет существования. Только еврейский народ отличается такой привязанностью к своей национальности. Любой народ в продолжение 4-5 поколений вполне ассимилируется, но не евреи: везде, где они бы не очутились, они остаются верными своей религии, своему характеру и обычаям. Сохранение маленькой расы среди населения в 400 миллионов представляет собой во всемирной истории факт немаловажной ценности" ("Cina und die Chinesen" von General Tscheng-Ki-Tong).

Но вернемся к разговору Конг-И-Тонга с представителями лиги "Д-р Теодор Герцль". Ученый настолько был откровенен, что посвятил их в свои планы. Может, надеялся на помощь еврейской общины Буэнос-Айресе?! Конг-И-Лонг сообщил, что собирается издавать еженедельную газету "Свободный Китай" на нескольких европейских языках, в которой будут статьи, развенчивающие вымыслы о религиозной нетерпимости китайцев. Планировалось и создание отдела по освещению жизни и проблем китайских евреев, в котором будут работать ученые - еврейские граждане его страны.

Сенсационное интервью дипломата было тут же (3 июля 1900 года) опубликовано в еврейской газете Буэнос-Айреса, а затем - в еженедельной идишской газете "Die Welt" (3 августа 1900 г.) в Вене под названием "Евреи в Китае". Далее сообщение было перепечатано в Санкт-Петербурге... Эта сенсационная информация послужила поводом для написания Альбертом Кацем, раввином, блестящим исследователем еврейской истории научной работы "Die juden in China" ("Евреи в Китае"). В исследованиях Каца были приведены свидетельства путешественников, миссионеров и торговых людей, подтверждающих рассказ Конг-И-Лонга о евреях в Китае.

Исследование Альберта Каца "Евреи в Китае", вышло отдельной книгой на немецком языке, и было переведено Львом Майзелем на русский язык (Варшава, 1900). Переводчик с блеском выполнил свою работу, но не удержался (сенсация

была сродни девятому валу!) и сопроводил рассказ доктора Конг-И-Лонга своей ремаркой: "С своей стороны, могу прибавить, что, к сожалению, едва ли одна сотая доля из всего рассказанного Конг-И-Лонгом может оказаться правдой... Но тем не менее его предположение о существовании более 40 миллионов евреев в Китае можно считать правдоподобным, имея в виду, что по статистике человеческое население в сто лет удваивается. На этом основании, если за два с половиной века до начала христианской эры в Китай переселилось даже небольшое число евреев, то их потомство в настоящее время может образовать многомиллионное население, тем более, что, по словам того же Конг-И-Лонга, евреи там за все это время не были избиваемы, как в других странах, где вследствие этого, население их не увеличилось, а уменьшалось".

Но где же сегодня те, о ком говорил Конг-И-Лонг?! Ведь он лично общался с ними. Называл города и провинции, где они живут, упоминал имена и места работы, учился с ними в университете, слышал их молитвы на незнакомом языке, рассказывал о синагогах... Допустим, евреев было не 40-50 миллионов, как он утверждал, а равное с христианами (на тот момент) количество. (Во время аудиенции китайский посланник назвал и количество христиан, живущих в Китае: пять миллионов. А сегодня - через век - их более 70 миллионов).

По всем расчетам и число евреев в Китае должно было увеличиться!

Но с евреями в этом мире все не так, как с другими народами! По статистике (на конец XX века) их было: в Китайской народной республике - 900 человек, в нынешнем Китае - 800, в Израиль репатриировались 10 человек. (Речь не идет о евреях-переселенцах XIX-XX века из европейских стран в Китай). Известно, что сегодня в Поднебесной всего несколько бабушек поведали своим раскосым внукам: "Помните, что мы из евреев!".

(Кто-то может предположить, что 40-50 миллионов евреев ассимилировались - но это выглядит, по крайней мере, странным, ибо иудеи более 22 веков своего нахождения в Китае не поддавались растворению среди местного населения, а тут вдруг (веду отсчет от сообщения доктора Конг-И-Лонга) за какие-то полвека-два (по меркам истории - мгновенно!) исчезают.

Очередная загадка еврейской истории. И вряд ли мы сможем разгадать ее, если, конечно, не посчитать утверждение дипломата ошибочным. Но свидетельства путешественников, остатки синагог, исследования ученых, надписи на плитах подтверждают слова дипломата Конг-И-Лонга: некогда многочисленная община евреев жила среди китайцев. Но что с ними случилось? Куда они ушли? В какой стране или мире ныне проживают? И если разгадку этой забытой сенсации не удастся найти, то следует обратиться, как это уже случалось в истории евреев, наш лик к небесам: "Где дети твои, Господи?!"

Энциклопедическое издание "Носящие вымышленное имя" посвящено неординарным выдающимся евреям. По разным причинам они взяли себе псевдонимы, приобрели известность благодаря своей созидательной творческой деятельности и стали частью не только еврейской истории и культуры. Многие евреи, которых мы знаем под псевдонимами, вписаны золотом в историю страны, где они проживали. Знаменитые писатели, музыканты, художники, ученые внесли огромный вклад в развитие культуры всего человечества. Основатель хасидизма Баал-Шем-Тов, политик Давид Бен-Гурион, деятели культуры: Шолом-Алейхем, Джордж Гершвин, Гарри Гудини, Кирк Дуглас, Илья Ильф, Фаина Раневская, Марк Бернес - энциклопедия освещает жизнь и деятельность почти 1000 личностей.

Авторы-составители этой замечательной книги - Л.А.Киржнер, И.Л.Киржнер. Ее выпустило в двух томах московское издательство "Книжники" в 2016 году. Нельзя не отметить высокое полиграфическое качество издания, снабжение его мощным справочным аппаратом и, конечно, прекрасную работу художника. Мы публикуем отрывки из книги, посвященные тем или иным персоналиям.

БЕРЛИН ИРВИНГ

Бейлин Израиль/Исидор Моисеевич (1888-1989)
(Тюмень, Российская империя - Нью-Йорк, США)

Композитор.

Вскоре после рождения мальчика семья переехала в белорусский Толочин, оттуда отправилась в Нью-Йорк. Израиль вырос в Манхэтгене.

Его отец, кантор, в США вынужден был работать в торговой фирме. У него Берлин получил первые уроки музыки и пения. Рано оставшись без отца, он пошел работать, проучившись в школе только два года. Будущий композитор успел поработать посыльным в лавке, разносчиком газет, официантом в музыкальном кафе.

По заказу хозяина кафе 16-летний официант написал свою первую песню "Мэри из солнечной Италии". Гонорар автора составил 37 центов.

В 1907 г. будущий композитор захотел впервые издать песню, а наборщики в типографии по небрежности исказили фамилию заказчика. Благодаря этой ошибке композитор вошел в историю как Берлин.

Первое признание ему принесла песня "Александр рэгтайм бенд".

Был призван на военную службу в 1918 г., но не прекратил сочинять музыку, создав ряд шоу для армейской самодеятельности. В 1919 г. основал собственное издательство, а в 1923 г. - театр Music Vox (совместно с С.Харрисом).

В 1926 г. женился на Э.Маккэй, вдохновившей его на создание баллад Remember и Always (1925). Рождению своего первого ребенка он посвятил "Русскую колыбельную", которая признана лучшей песней 1927 г.

С 1933 г. начался период шумного успеха музыки композитора на Бродвее. В эти же годы Берлин много работал для Голливуда.

Вклад Берлина в поп-музыку невозможно переоценить. Его песни восемь раз номинировались на "Оскар". Они достигали вершины хит-парадов 25 раз.

Дж. Гершвин назвал Берлина "американским Шубертом", имея в виду его уникальный мелодический дар, свойственную его песням утонченную эмоциональную экспрессию и органичное единство лирической и драматической выразительности.

За свою жизнь композитор создал полторы тысячи песен, из которых 50 считаются хитами, написал музыку для

19 театральных постановок и 15 фильмов.

Самое известное произведение Берлина - "Боже, благослови Америку" (1918) стало неофициальным гимном США. Оно написано для бродвейского шоу, но автор посчитал, что песня не соответствует юмористическому характеру спектакля. Поэтому премьера песни отсрочилась ровно на 20 лет. Впервые песня прозвучала по радио вечером 11 ноября 1938 г. А уже через семь месяцев во время ее исполнения в День поминовения в Бруклине собравшиеся встали и сняли шляпы как при исполнении национального гимна.

Песня "Боже, благослови Америку" вошла в патриотический мюзикл "Это армия". Посмотрев мюзикл в феврале 1944 г., генерал Д.Эйзенхауэр настоял на том, чтобы спектакль показывали на всех фронтах. В итоге за полтора года мюзикл увидели 2,5 млн зрителей. Права на песню и все доходы (на ней заработано шесть млн долларов) Берлин подарил скаутской организации со словами: "На патриотизме зарабатывать нельзя".

Вот уже более полувека торжественные выступления президентов США заканчиваются этой песней. Президент

Г.Трумэн наградил Берлина военной медалью "За заслуги". Президент Д. Эйзенхауэр вручил ему Золотую медаль Конгресса, президент Д.Форд - медаль Свободы.

Музыкальный диск с песней "Белое Рождество" вошел в Книгу рекордов Гиннеса. По сведениям прессы, его тираж превысил 100 млн экземпляров. Эта песня появилась в 1942 г. в фильме "Гостиница на выходные". Ее стали петь американские солдаты, сражающиеся за рубежом. Песня выражала их тоску по дому и родным.

В 1970 г. его имя вписано в национальный Зал славы композиторов. По мотивам его жизни, символизирующей собой воплощение "американской мечты", в 1986 г. снят мультипликационный фильм "Американский хвост" (продюсер С.Спилберг). Композитор прожил долгую жизнь. В день его 100-летнего юбилея в 1988 г. в Нью-Йорке в огромном Карнеги-холле в его честь состоялся концерт, в котором приняли участие многие звезды. Почтовое ведомство США выпустило к юбилею марку: портрет Берлина на фоне текста и нот его знаменитой песни "Боже, благослови Америку".

Президент Джордж Буш-старший на похоронной церемонии в Бостоне возглавил траурную колонну, а затем выступил с речью, в которой назвал И. Берлина "легендарным человеком, чьи слова и музыка будут помогать пониманию истории нашего народа".

Ирвинг Берлин

"НА БУДУЩИЕ ДНИ ЗАПОМНИ ВСЁ..."

60 лет назад не стало Гирша Каменецкого, талантливого поэта, человека трудной судьбы. Родился он в 1895 г. еврейском местечке Черневке Борисовского района Минской области (Белоруссия), в семье слесаря. Посещал хедер и иешиву, где обучали грамоте на языке идиш и еврейской традиции. Повзрослев, Гирша не стал религиозным, он обучился ремеслу переехал в уездный центр Борисов, где начал работать парикмахером. Однако, впечатления детства о еврейской жизни запечатлелись в его памяти и впоследствии отразились на поэтическом творчестве.

В 1919 г. Гирша призвали в Красную армию, и он принимал активное участие в боевых действиях, что тоже откликнулось в его поэзии. Борисовский парикмахер стал сочинять стихи на родном для него языке, и в 1924 г. они впервые появились в печати. Основной их темой стала гражданская война в России. Позднее стали издаваться его сборники: "Прямыми дорогами", "Песни", "Заказ на молодость". Автор продолжил образование, поступив в Белорусский госуниверситет. Став профессиональным литератором, Гирша Каменецкий также переводил на идиш стихи русских поэтов. Он же перевел на идиш роман Бруно Ясенского "Человек меняет кожу" и повесть Максима Горького "Детство".

Годы Великой Отечественной Каменецкий, будучи в призывном возрасте, провел в тыловом городе Бугуруслан. После освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов, он вернулся в родные края и продолжил литературную деятельность, работая редактором в государственном издательстве. В 1948 г. увидел свет его новый поэтический сборник "Сильнее железа". А в 1949-м за Каменецким пришли. То было время развернутых советскими властями гонений на еврейскую национальную культуру. Проявилось определенное сходство взглядов коммунистических и нацистских политиков по отношению к евреям. Были закрыты все еврейские учреждения, антисемиты разгромили театр и редакцию единственной в республике еврейской газеты, переплавив даже шрифт, чтобы им не могли больше пользоваться. Каменецкого обвинили в антисоветской деятельности и приговорили к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Впрочем, суда как такового не было, обвиняемому попросту, как это тогда широко практиковалось, дали ознакомиться с постановлением так называемого Особого совещания.

Наказание Гирш отбывал в Озерлаге, в далекой Сибири возле города Братска. Смерть Сталина сократила ему срок ссылки. 30 января 1956 года поэт был реабилитирован, но физически сломленный, страдающий тяжелыми болезнями, покинутый близкой женщиной, вернулся к родной сестре Блюме, которая проживала в Борисове. Спустя год его похоронили.

В память о еврейском поэте издали несколько сборников его стихов в переводе на белорусский и русский языки. Кстати, Гирш Каменецкий был одним из последних литераторов Беларуси, которые писали на "мамэ-лошн". Когда-то язык этот был настолько распространен в республике, что надпись на идиш можно было увидеть на государственном гербе Республики Беларусь. То ли теперь?..

Из поэтического наследия Гирша Каменецкого

Среди ночи

Опять ночами просыпаться стал.
Вдруг сердце зачастит,
Как по тревоге,
Как будто я куда-то опоздал,
Как будто я отстал в ночной дороге.

Рукой спросонок шарю по стене,
К холодному углу тянусь неловко.
Но нет, не обжигает пальцы мне.
Привычным холодком моя винтовка.

Одна шинель осталась на гвозде,
Свидетельница старая походов,
Былых ночевок в поле, при звезде,
В былые, закатившиеся годы.

А сердце,
Будто прёт из берегов,
Несет меня опять по ратным шляхам,
Где тысячи легли моих врагов,
Чтоб встала ты,
Страна моя,
Из праха...

Перевод А.Смольникова

Первая волна

Мы, городские, мы не так живем -
С железом, с пылью, с копотью привычной.
Наш горизонт погряз в дыму живом,
Сокрыт, забыт за стенами кирпичными.

А здесь, где спят сосновые плоты,
Где резвый ветер рябь родит спляшущую,
Лишь горожане с блеском золотым
И всплеском знают цену настоящую.

Ко мне, волна, подкатывай сюда!
В числе других, миллионная, наверное,
Для всех других обычная вода,
Но для меня - желаннейшая, первая...

Плыву! И так душа моя полна,
Что невесомо тело мое брэнное!
Не уходи, о, первая волна,
Не покидай меня, благословенная!

Перевод Г.Валикова

Росстань

Так уезжаешь? Уезжай.
Но никогда не забывай
Тот давний год, тот давний час,
Когда вот здесь, прищутив глаз,
Стрелял я с этого моста
В зрящий мимо нас состав -
В штабс-капитана, что в окне
Дремал, попав на мушку мне.
Когда затих состав ночной,
Ты вдруг мотнула головой:
Была, наверное, роса,

И расплелась твоя коса.
Сперва ее ты заплела,
А уж потом во тьму ушла,
Совсем спокойная на вид,
А принесла ты - динамит.
Ну а потом, ну а потом
Трянуло сваи под мостом,
Метнулось пламя, и с тобой
Бежали мы ночной тропой.
В лесу прохладно и темно,
А мы - смеялись, нам смешно!
А в это время
В этот час
За шляхом где-то свет погас
(В местечке, что лепилось там,
Одно окно мерцало нам) -
Тебя устав, наверно, ждать,
Смотрела сон старушка мать:
Как к ней
Долиной золотой
В карете едешь ты домой.
Колес сверкает яркий лак,
Красивый конь торопит шаг,
И в белом платье дорогом
Сидишь ты
Рядом с женихом.
А он и знатен, и богат.
Вдали холмов синеем ряд.
И день и ночь, и день и ночь...
Спешит домой невеста-дочь...
А ночь в росе, а ночь синя,
И мы садимся у плетня,
Селедку с хлебом мы жуем,
И так отрадно нам вдвоем!
Ты самокрутку крутишь мне,
И мы хохочем в тишине.
... Так, значит, едешь? Уезжай!
Ну что ж, иди,
Ну что ж, прощай.
Ты только помни мост ночной
И эту ночь. И нас с тобой...

Перевод А.Смольникова

Весна в районе

Угомонились холода, зима свое отпела.
Весна идет, весна вошла в районные пределы.
Наш сад очнулся, и его отпавивает солнце,
И с могилевской стороны к нам облачко несется -
С приветом в гости к нам спешит дорогой голубою
В наряде с белой бахромой и розовым подбоем.
Легко, доверчиво летит и, не доплыв до сада,
Вдруг тает прямо на глазах, но это не досада...
Примет весны не перечтешь, весна весьма ретлива.
Вот прима местного кружка, точней драмколлектива,
Хоть рановато, может быть, зато куда как смело
В коротком платьице бежит - уже не утерпела.
Вот луч - на лошади верхом, на хомуте сидит он.
Скорей всего поехал он в райздравотдел с визитом...
А белый в красных сапогах величественный аист
Все небо держит на себе - встал, в небо упираясь.
А между делом не спеша он чешет носом брюшко -
Женой доволен, у него проворная подружка.
Вчера она снесла яйцо, а сколько там их стало,
Пройдошливая ребяшня уже пересчитала.
Весна идет... А что же я стою оцепенело?
Весна работает, и мне давно пора за дело!
Сейчас пойду и напишу знакомым всем окружающим -
С такой весной, с таким деньком людей поздравить нужно!
Потом возьмусь и напишу родне своей колхозной -
Поздравляю с севом. Но писать тут надо посерьезней...
Весна идет, идет весна, весь дом наш коммунальный
Объединен и примирен согласием похвальным.
О, эти чистые тона прозрачной акварели!..
Прекрасней края не найду, чем Беларусь в апреле.

Перевод Г.Валикова